

ТУИ Т. САЗЕРЛЕНД

ДРАКОНЬЯ САГА

ЛЕГЕНДЫ. МРАКОКРАД

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

Туи Т. Сазерленд
Драконья сага.
Легенды: Мракокрад
Серия «Драконья сага»
Серия «Легенды», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64641721
Драконья сага. Легенды. Мракокрад: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136797-8*

Аннотация

Задолго до войны за песчаное наследие, за много поколений до пророчества о драконятах... рождается тьма.

Три дракона. Одна неизбежная, непредсказуемая судьба. Это – начало... и конец. В Морском королевстве юный принц узнает, что он – дракомант, ему подвластна чудесная магия, за которую приходится платить ужасную цену. В голове у юной ночной драконихи разворачиваются тысячи вариантов будущего – и почти все они ведут к беде и разрушению. А под светом трех лун и пристальными взглядами матери-ночной и отца-ледяного вылупляется из яйца самый могущественный дракон, какого когда-либо увидит Пиррия. Мракокрад – дракон, который навсегда изменит мир.

Содержание

О драконьих племенах Пиррии	6
Песчаные драконы	6
Земляные драконы	8
Небесные драконы	9
Морские драконы	10
Ледяные драконы	12
Радужные драконы	13
Ночные драконы	14
Пролог	17
Часть первая	31
Глава 1	31
Глава 2	41
Глава 3	50
Глава 4	73
Глава 5	82
Глава 6	91
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Туй Т. Сазерленд

Драконья сага.

Легенды. Мракокрад

*Посвящается Аманде, неизменно прекрасной,
терпеливой, веселой и умной. Спасибо тебе, спасибо,
спасибо за ВСЁ*

Перевод с английского *Нияза Абдуллина*

Tui T. Sutherland

WINGS OF FIRE, LEGENDS: DARKSTALKER

This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency

Text copyright © 2016 by Tui T. Sutherland

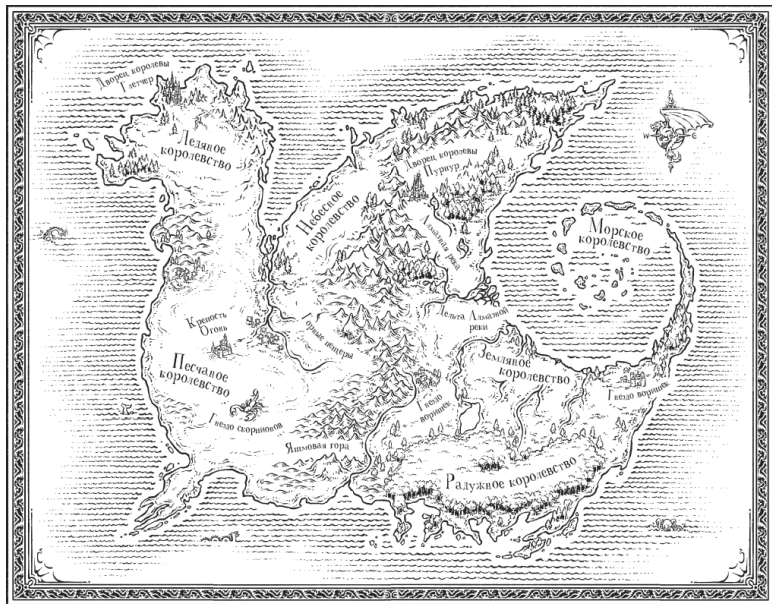
Map and border design © 2016 by Mike Schley

Dragon illustrations © 2016 by Joy Ang

© Н. Абдуллин, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

О драконьих племенах Пиррии

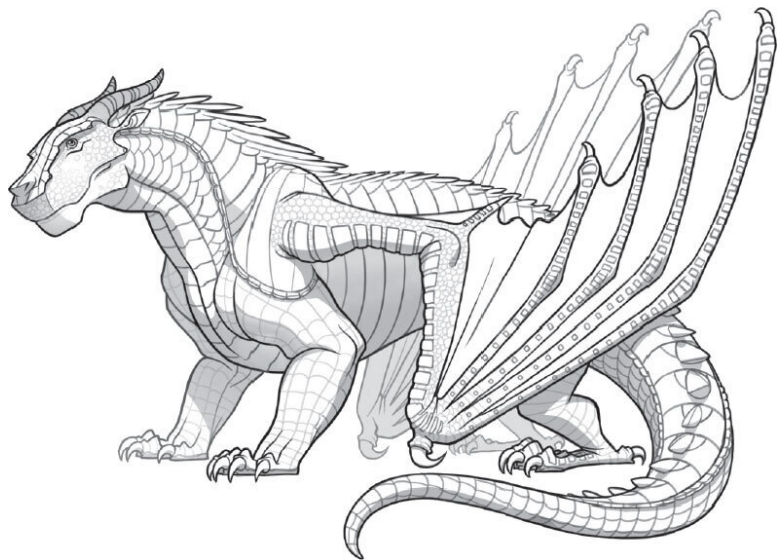
Песчаные драконы

Чешуя бледно-жёлтая или белая цвета песков пустыни, хвост с ядовитым шипом на конце, чёрный раздвоенный язык.

Зарываются в песок, подолгу обходятся без воды, жалят хвостом по-скорпионьи, могут выдыхать огонь.

После окончания войны за Песчаное наследство на престол вошла королева Тёрн.

Ученики академии: Вилорог, Вихрь, Оникс, Страус, Сушь.

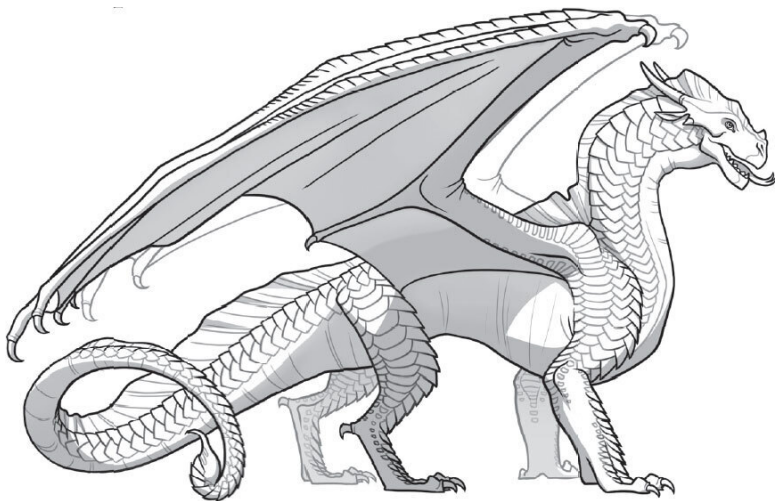
Земляные драконы

Мощная бронированная чешуя бурого цвета, иногда с янтарным или золотистым оттенком. Большая сплюснутая голова с высоко посаженными ноздрями.

Крупные и сильные, любят лежать в болоте, способны задерживать дыхание почти на час. Могут выдыхать огонь, если вокруг достаточно тепло.

Племенем правит королева Ибис.

Ученики академии: Охр, Сепия, Стерх, Торф, Тритон.

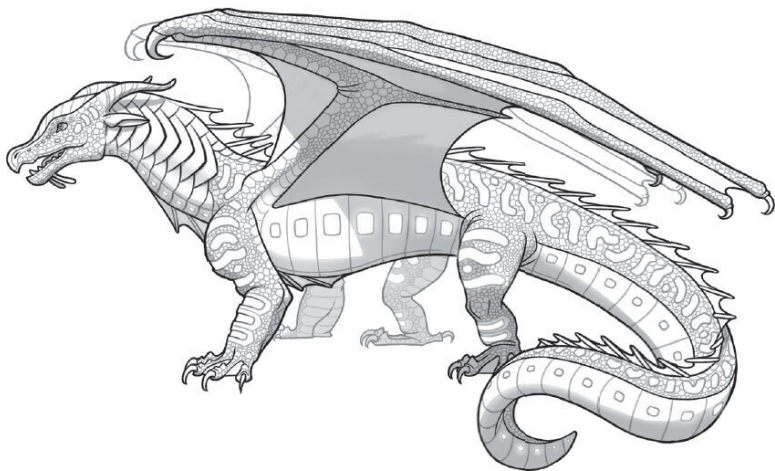
Небесные драконы

Огненно-золотистая, красная или оранжевая чешуя, огромные крылья.

Летают далеко и быстро, отличные бойцы, могут выдыхать огонь.

Племенем правит королева Рубин, но есть и сторонники королевы Пурпур, которая, по некоторым сведениям, жива и скрывается.

Ученики академии: Гранат, Дрозд, Жар, Сапсан, Сердолика.

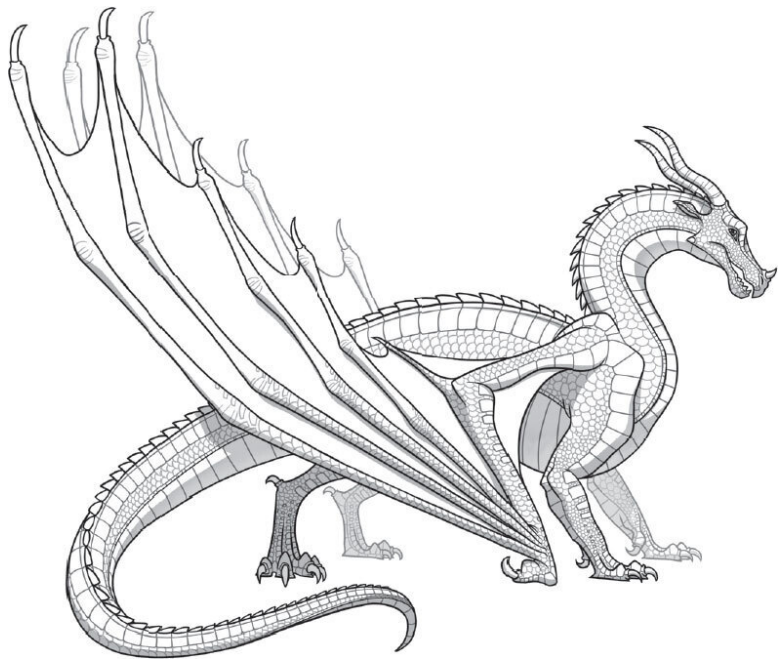
Морские драконы

Чешуя синяя, зелёная или цвета морской волны, перепончатые лапы, жабры. Светящиеся в темноте полосы на мордах, животах и хвостах.

Способны дышать под водой и видеть в темноте, непревзойдённые пловцы, мощным хвостом могут поднимать огромные волны.

Племенем правит королева Коралл.

Ученики академии: Анемона, Барракуда, Карапакс, Улитка, Щук.

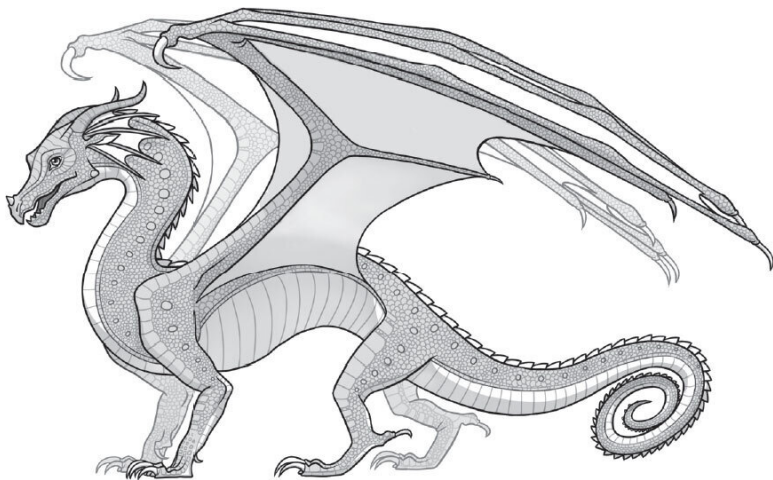
Ледяные драконы

Чешуя лунно-серебристая или голубоватая цвета льда; зубчатые когти, чтобы цепляться за лёд; синий раздвоенный язык; узкий длинный хвост, похожий на хлыст.

Выдерживают сильный холод и яркий слепящий свет, способны замораживать дыханием.

Племенем правит королева Глетчер.

Ученики академии: Альба, Горноста́й, Метель, Хладна, Холод.

Радужные драконы

Чешуя яркая, как оперение райских птиц; цепкий хватательный хвост.

Способны менять цвет, полностью сливаясь с окружением. Особое устройство клыков позволяет стрелять смертельным ядом.

Племенем правит королева Ореола.

Ученики академии: Кинкажу, Кокос, Ламантин, Сиаманг, Тамарин.

Ночные драконы

Чешуя чёрная с пурпурным оттенком, внутренняя сторона крыльев с серебристыми пятнами напоминает звёздное небо. Чёрный раздвоенный язык.

Невидимы в темноте, могут выдыхать огонь. Прежде считались способными читать мысли и предсказывать будущее.

Племенем правит королева Ореола (см. свитки «Исход ночных» и «Королевский турнир радужных»).

Ученики академии: Коготь, Луновзора, Хвост, Храбра, Чтица.

События этой книги разворачиваются в туманном прошлом Пиррии, за две с лишним тысячи лет до войны за Песчаное наследие и событий «Пророчества о драконятах».

События этой книги разворачиваются в туманном прошлом Пиррии, за две с лишним тысячи лет до войны за Песчаное наследие и событий «Пророчества о драконятах».

Пролог

Арктик

– Принц Арктик?

Трижды постучав в ледяную стену, в комнату заглянула юная серебристо-белая дракониха. Как ее зовут, Арктик не помнил. За такую забывчивость мать постоянно отчитывала его. Он же принц, а значит, обязан помнить по именам и титулам всех благородных драконов, дабы обращаться с ними соответственно положению при дворе.

Глупый обычай. Если мать снова разворчится, Арктик пустит в ход магию и заморозит ей пасть.

О-о-о, что за дивная картина! Королева Алмаз в тугом наморднике из ледяных колец. Арктик закрыл глаза и вообразил блаженную тишину.

Дракониха слегка царапнула когтями по льду, напоминая о своем присутствии. Чего ждет? Разрешения передать послание? Или что принц назовет ее по имени, а если нет – умчится ябедничать королеве?

Арктик подумал, не наколдовать ли талисман, который напоминал бы обо всем важном? Еще одна соблазнительная мысль, но она против правил дракомантии, принятых в Ледяном королевстве.

«Дракоманты очень редки, – вспомнил Арктик. – Цени

свой дар и уважай его границы. Не применяй магию бездумно. Не используй ее только ради себя. Ее сила невероятно опасна. Правила племени – для твоей же защиты. Только ледяные драконы знают, как безопасно использовать дракомантию.

Береги ее для церемонии волшебного дара. Используй лишь раз в жизни, чтобы создать величественный дар на благо всего племени. Это единственный способ не навредить себе».

Арктик повел плечами. Ему стало тесно в собственной шкуре. Правила, правила, сплошные правила... Такова жизнь в его племени. Куда бы он ни пошел, что бы ни подумал, во всем его ограничивали правила и осуждающие взгляды. Особенно матери. Ей бы только удержать сына в когтях.

– В чем дело? – грубо спросил он у странной драконихи. Раздраженный тон, как ей такое? Арктик сделал вид, будто его отвлекают от важного занятия, вот он и не церемонится, забывая этикет. А ведь он и правда был занят. До церемонии волшебного дара каких-то три недели. Мало того, что мать притащила его сюда, в самый южный дворец рядом с океаном и границей Песчаного королевства. Она обещала оставить его одного и заняться неотложными королевскими делами, требовавшими ее присутствия. Придворным следовало бы знать, что принца беспокоить нельзя.

Посланница приняла разочарованный вид. Похоже, Арктику и правда полагалось знать, кто она такая.

– Ваша матушка прислала меня сообщить, что прибыла делегация ночных драконов.

«Гр-р-р-р, – мысленно зарычал Арктик. – Только не это, снова дипломатические приемы, скукотища».

– Не стоит ожидать моего присутствия, – сказал он, окинув жестом лапы прозрачные стены. – Мне на подготовку осталось всего три недели.

– Да, королева упоминала...

– ...но ей плевать, – подсказал Арктик, стоило драконихе нерешительно умолкнуть.

Бедная посланница не находила себе места. Она оказалась между принцем, стоявшим выше нее, и королевой, стоявшей выше всех. Арктик тяжело вздохнул.

– Ладно, ладно, – сдался он, смахивая хвостом ледяную крошку. – Иду.

Дракониха облегченно отступила назад, в коридор, и принц только сейчас увидел на ней серебряный кулон из одного кольца. Ого, посланница – из первого ранга. Как он мог забыть ее?! Драконы первого и второго рангов жили в королевском дворце, вместе с монаршей семьей, и принц был уверен, что помнит всех.

Кроме вельмож из трех внешних дворцов...

– Снежинка, – обронил Арктик. Какой же он болван. Она – его суженая. Снежинка из семьи верноподданных, у нее, скорее всего, родится дочь и со временем бросит вызов королеве Алмаз, ведь у принца ни сестер, ни тетушек, могущих

претендовать на престол. Из-за Снежинки мать, наверное, и потащила Арктика с собой в эту поездку.

– Да, – с поклоном ответила дракониха. Она была по-своему милой: скучной и безжизненной, каких любит мать, – и при знакомстве Арктик не заметил в ней даже искорки воли. Он побаивался, что у Снежинки совсем нет личности.

– Э-э, – протянул он, следуя за ней по коридору и неловко пытаясь завязать разговор. – Ты прежде видела ночных?

– Гонца, приходившего к Утесу несколько месяцев назад и просившего об этой встрече.

– Не знаешь, чего хочет делегация?

Снежинка покачала головой. Вот и поговорили.

«О-о-о, – Арктику в голову пришла идея, – может, зачаровать при ней что-нибудь? Это любого дракона заинтересует. О небеса, дракомантия сейчас пришлась бы очень кстати».

«Не расходуй дар! – прогремел в голове голос матери. – Чары надо продумывать! Пусть на это и уйдут месяцы!» Бу-бу-бу...

Порой Арктика терзали подозрения, что мать жалеет о том, как одарила племя: нарвальи рога, исцеляющие от причиненных ледяным выдохом ран, штука полезная, когда юные ледяные, разыгравшись, калечат друг друга или когда вспыхивают междоусобные стычки... Но куда полезнее было бы, лечи эти бивни от всего. Как, наверное, королеве хочется вернуться в прошлое и исправить ошибку.

– Чем бы ты одарила племя? – спросил у Снежинки Арк-

тик. – Будь ты дракомантом?

– О, – сказала Снежинка, и ее крылья затрепетали. – Не знаю.

– Что ж, поразмысли над этим. Мне правда интересно.

– Хорошо.

Коридоры в этом дворце оказались куда короче и теснее, чем дома, и были украшены странными и разномастными барельефными картинками: вот полярный медведь, там волк, там вопящий воришка, а тут жирная сова. Ни последовательности, ни смысла, ни вкуса, и все так узко, давит. Хотелось пробиться сквозь стены, лишь бы увидеть небо.

Где-то через минуту Снежинка сказала:

– Простите, не могу ничего придумать.

Арктик не сумел скрыть раздражения.

– Подумай хорошенько. Ответишь завтра, или когда мысль придет в голову.

Снежинка посмотрела на него в ответ – вот это да! – с не меньшим раздражением во взгляде.

– Мне кажется, это пустая трата моего времени, – сказала она. – Разве что вы сами не можете ничего придумать.

– Нет-нет, – поспешил возразить Арктик. – У меня есть мысль, и какая!

«То есть у матери она есть, а я пытаюсь придумать нечто получше».

Снежинка ничего не ответила. Она лишь молча остановилась у карниза и кивнула на купол внизу. В сгущающихся су-

мерках он, скрывая большую часть равнины между дворцом и океаном, сиял, словно озаренный внутренним пламенем мраморный шар. Остальную часть равнины покрывал снег, тихо сыплющийся с неба хлопьями.

Воды океана пронизывали золотые и рыжие прожилки от заходящего на западе солнца. Воздух рассекали, подобно летучим мышам, крылатые драконы – охотились за добычей к предстоящему банкету в честь гостей.

Арктик со Снежинкой слетели ко входу под гостевой купол. Принц знал, что внутри будет до неприятного тепло – от тел огнедышащих ночных и магического дара всем гостям. («Созданного полвека назад дракомантом по имени Пингвин», – напомнил переполненный знаниями мозг. Арктик дотошно изучил все дары, когда-либо преподнесенные племени, в попытке придумать нечто свое... Вот в голове и не осталось места для малознакомых драконов.)

Впрочем, сам купол племени не дарили: кирпичи для него когтями вытесали обычные драконы. Строительство заняло, наверное, не одно столетие, и Арктик опасался, что однажды он растает и обрушится на голову какому-нибудь огнедышащему гостю.

«Может, – подумал принц, – я в качестве дара укреплю купол? Будет нерушимый приемный зал для любых союзников и гостей из других племен». Эту мысль он быстро отменил. Идея не своя, и даже близко не такая впечатляющая, как хотелось бы. А надо, чтобы дар запомнили и восхваляли

еще столетиями после самого дракоманта. Нечто вроде Дерева света от принцессы Стужи.

Они с хрустом приземлились на снег и уже хотели войти в тоннель под купол, но тут изнутри выбежала дракониха.

– Прошу прощения! – пыхтя и чуть не сбив их, выкрикнула она. – Мне надо было выйти на минуточку. Посмотреть на закат! Великие королевства, ну и холодина! Так и околеть недолго! Но пропустить закат нельзя. А холод – пустяк, справлюсь как-нибудь. Надо только... двигаться... не стоять...

Она принялась яростно нарезать круги вокруг них, хлопая себя по бокам крыльями.

До нее Арктик ночных еще не встречал. Он знал, что драконы этого племени черные, но не ожидал, что грудь у них темно-зеленая, а изнанка крыльев усеяна мерцающими серебристыми чешуйками. Глаза у гостьи тоже оказались, скорее, темно-зелеными, не черными, и смотрела она на принца без страха. Она энергично встряхнула крыльями, и Арктик невольно раскинул свои, будто готовый сорваться и взлететь к лунам.

– Увидимся внутри, – бросил он Снежинке.

Та неодобрительно взглянула на ночную.

– Передай матери, что я иду, – предложил Арктик. – Поспеш. Ждать она не любит.

Снежинка снова раздраженно наморщила лоб и убежала внутрь, даже не поклонившись, без ритуального прощания.

«Видно, поделом мне, – подумал принц, – раз не удостоил ее соответствующего положению приветствия». Какое-то время он смотрел вслед суженой, пытаясь представить жизнь с ней. Все же искра в Снежинке была... от задушенного огня ярости. «Наверное, ей этот брак тоже не в радость, как и мне. Даже не знаю, как ей угодить. Я же принц, и если она выйдет за меня, то снесет яйцо, из которого, мало ли, вылупится новая королева. Чего еще ей желать?»

– Она что, ледяной кол проглотила? – спросила ночная. Широко улыбнувшись, она принялась скакать на месте.

– Боюсь, всему виной я, – ответил Арктик. – Никак не мог вспомнить ее имя.

– И что? – спросила черная дракониха. – Я вот постоянно имена забываю.

– Ну, мне положено помнить всех. А еще мы с ней как бы помолвлены.

Ночная так расхохоталась, что плюхнулась на зад и тут же с криком вскочила, стряхивая снег с хвоста.

– Все хорошо? – спросил Арктик.

– Да, п-просто х-холодно, – ответила дракониха, притопывая на месте. – Ладно, я ее понимаю. Ужас-ужас. Ты кошмарен.

– Ничего я не кошмарен! – возмутился Арктик. – Мы с ней всего раз встречались! Едва знакомы! А еще она совершенно не запоминается!

– Ты кошмар кошмарный! – вскричала ночная, снова за-

ливаясь смехом. – Бедняжечка! Я точно отговорю ее выходить за тебя. Мне заранее жалко всякую ледяную, которую обманом сосватают за тебя. Представляю, как ты на юбилей свадьбы, такой: «Поздравляю, с сорокалетием брака, дорогая... как тебя там?» а она: «Мы уже ПЯТЬДЕСЯТ лет жена ты, мутный ты проныра, а как меня зовут, вспоминай, когда будешь спать на айсберге».

– Таковую бы я запомнил сразу. Это тебе не блеклая Снежинка.

– А тебя как зовут? – спросила ночная. – Могу и дальше звать тебя мутным пронырой, хотя меня за это, наверное, вытурят из миротворческого комитета.

– Арктик. Принц Арктик.

– О, надо же. Ну, мне, думаю, представляться смысла нет, ты все равно забудешь через пять минут.

– Обещаю, что запомню, – возразил Арктик.

– Значит, забываешь только имена подружек? – пошутила ночная. – Или будущих членов семьи?

– Я запоминаю всякого, кто наверняка изменит мою жизнь.

– Чур, не я! – искренне испугалась ночная. – Мне даны строгие указания не чинить ущерба, не рушить ледяных дворцов, не соблазнять ледяных и не менять чужие жизни. С другой стороны, я никогда указаниям не следую... в общем, ледяные дворцы, берегитесь.

«Не следует указаниям!»

Арктик моргнул и заворожено уставился на нее. Как такое возможно? Жизнь – это ведь череда указаний; тех, кто им не следует, забывают, сбрасывают на самые низы иерархии или вовсе выгоняют из племени.

«Вот если бы мне послушаться приказа... любого приказа, то с чего бы начать?»

– А-А-А-А-А-А, что ж ТАК ХОЛОДНО-ТО? – Ночная взвилась и принялась выписывать энергичные сальто.

– Мы в Ледяном королевстве, – ответил Арктик, уступая ей место. – А наш климат – это, знаешь ли, строжайшая тайна.

– О, да он остряк, – заметила ночная, останавливаясь и снова заливаясь смехом. – А у тебя есть полезные умения или может, запасной волшебный браслет, защищающий гостей от холода?

– Браслеты – дипломатический дар. Они согревают наших гостей и помогают безопасно пересечь Великую ледяную скалу. В племени таких всего три... а вас что, больше трех? – удивленно спросил принц.

– Я четвертая. Мы с мамой делим один браслет на двоих. Намучились, пока через эти ваши горы переваливали. Стоило, пожалуй, попросить браслет перед тем, как наружу выбежать.

– Так вернемся внутрь, – неохотно предложил Арктик. Внутри их ждало еще больше драконов, невыносимо занудных, не говоря уже о матери с новым сводом правил относи-

тельно того, как задобрить Снежинку, держаться подальше от ночных, и вообще вести себя как послушный пес. – Или останемся снаружи любоваться закатом?..

– Закат – это здорово, – отозвалась дракониха, – но если честно, то я выбралась наружу, потому что мама сводит меня с ума.

Арктик не сдержал улыбки, и она появилась на его морде как трещинка на льду. Эта ночная точно никогда не оставит его равнодушным. Ледяные никогда о своих родителях так не отзывались: жаловаться на старших, критиковать их – это же просто немыслимо!

– Прошу, расскажи подробнее.

– О, мама вечно ворчит, мол, я все порчу. «Люта, почему свитки опять не на своих полках?», «Люта, ты этим утром не тому дракону улыбалась!», «Люта, будешь обо всем высказывать свое мнение, и королева тебя никогда на совет не пустит», «Люта, я беру тебя с собой в поездку, лишь потому что не доверяю и не хочу оставлять без присмотра, но если заговоришь с ледяным, я насажу твою голову на пику в тронном зале». – Она спохватилась, захлопнула пасть и грустно взглянула на Арктика. – Э-э, ой.

– Ага, – произнес принц с тем же трепетом, с каким первый раз коснулся огня. – Что-то подсказывает мне, что тебя зовут Люта.

– Да нет, просто с этого слова начинаются маминны отповеди.

Арктик рассмеялся, и Люта улыбнулась. Он чувствовал, что рядом с ней скуки и тоски можно не опасаться.

– Так что, правда, – спросила она, – больше магических браслетов нет? Мне, честно, и плед сгодился бы.

– Прости, – ответил Арктик, жалея, что не может согреть ее своим крылом – его-то чешуя холодна, как снег.

Люта тяжело вздохнула:

– Тогда мне и впрямь пора назад.

– Постой, – окликнул ее Арктик. Одна мысль не шла из головы: это неправильно, даже хуже, он нарушит традицию, предаст племя, но рядом с этой замечательной драконихой ему было все равно. Он на все пойдет, лишь бы побыть с ней еще немного.

Сняв с уха алмазную серьгу, он прошептал:

– Пусть любому дракону, носящему эту серьгу, будет тепло в любой мороз... и не грозит никакая опасность.

Затем он надел серьгу на ухо Люте, а та недоуменно выпучила темно-зеленые глаза. Арктик походя задел ее гладкую теплую шею.

– Ого... сработало, – сказала Люта, перестав дрожать и осторожно расправляя крылья. – Значит, слухи не врут, ваше племя правда владеет магией.

– Не все, лишь немногие, – уточнил принц. – Так ведь и ваше тоже, нет?

– Не все, лишь немногие, – эхом повторила она. – И не такой. У меня, например, не всё есть. А ты, значит... умеешь

зачаровать что угодно? Тебе все под силу?

– Дракомантия, – сказал он, приближаясь на шаг. – Все благодаря ей.

– Что же тогда ледяные не правят континентом? – спросила Люта, беспокойно метая хвостом по снегу. – Вам даже не нужен этот союз. Вам разбить небесных ничего не стоит.

Арктик покачал головой:

– В нашем племени строгие правила. Использовать силу позволено лишь раз в жизни.

Лапа Люты метнулась к серьге, и она впервые умолкла, пораженно глядя на принца.

– Ну, – пожал тот плечами, – видать, я тоже не больно-то правилам следую.

Он снова затрепетал при мысли о том, каково быть ТАКИМ драконом, каким он предстает перед ей. Он осторожно коснулся ее крыла своим, но она не отпрянула.

– Почему? – прошептала Люта.

– Все из-за древних легенд, – ответил Арктик, – в которых говорится о том, как опасна эта магия. Если пользоваться ей слишком часто, утратишь душу... вроде бы. Сказки, как по мне. Но если уж в Ледяном королевстве установили правило, лучше его соблюдать неукоснительно.

О древних историях про обезумевших дракомантов он предпочел умолчать.

– Да нет, – сказала Люта, снова касаясь серьги. – Почему ты это сделал... для меня? – Она полушутя неодобрительно

поморщилась. – Ты что, за душу не боишься?

– Больше нет, – сказал он. – Она теперь твоя... если при-
мешь.

На ее черные крылья бесшумно опускались и таяли свер-
кающие хлопья снега. Помедлив в нерешительности, Люта
взяла его за передние лапы.

«Не к добру, – шептал Арктику рассудок. – Совсем не к
добру. Наши племена не простят нам этого. Мать не допу-
стит».

«Тогда тем более так и надо, – мысленно ответил он. – Я
вырву свою жизнь из когтей королевы. Это моя жизнь, моя
магия, мое сердце».

– Я сейчас скажу кое-что очень глупое, – предупредила
Люта.

– Глупее того, что сказал я? Ну, попробуй, посмотрим.

– Просто... у меня странное ощущение, – Люта посмот-
рела ему в глаза, – что мир скоро бесповоротно изменится.

Часть первая

Глава 1 Глубин

Глубин никогда не считал себя особенным и, уж конечно, не ждал, что это изменится в день испытания дракоманта.

Этим утром на берегу выстроились в ряд восемь дракончиков из морского племени. Их сине-зеленые чешуйки блестели, увлажненные пенными водами океана. Всем в последние несколько месяцев сравнялось по два года. Солнце, до

боли яркое, светило прямо в глаза, и Глубин отчаянно желал поскорее вернуться в сумрачную прохладу подводного чертога.

Ожиданию, казалось, не будет конца, но он послушно сидел и ждал. Не то что некоторые.

Пших! На задние лапы упал песок, и он сразу понял, что дело не в ветре.

– Тсс, – прошипел он уголком пасти.

– Это ты мне? – спросила дракониха по соседству. – Что я сказала-то? Ничегошеньки. Это ты шум разводишь, а я сижу себе тихо. Не шевельнись. Бери пример.

Вскинув голову, она изобразила ангельскую мордашку.

Неподалеку у пальмовой рощи приземлилась крупная чайка и подозрительно уставилась на драконов. Вид у нее был очень мудрый – как у птицы, сумевшей протянуть достаточно долго в мире драконов. Сейчас она явно пыталась сообразить, чего это кучка молодняка выбралась из воды на берег и сидит неподвижно, рядком на песке? Может, хотят угостить сообразительную чайку? Или сговариваются, как бы съесть ее?

Птица повернула голову, присматриваясь к драконятам другим глазом.

– Спорим, ты ее не поймаешь, – прошептала Индиго.

– Не разговаривай со мной, – прорычал Глубин.

– Но ведь хочется? – Ее голос звучал легко, как прикосновение перышка, едва тревожа воздух.

Жутко голодный, Глубин и правда хотел поймать чайку. Однако королева велела сидеть не шевелясь, и Глубин не хотел провалить испытание. То, что он ее внучатый племянник, от неприятностей не спасет.

Пших! На этот раз Индиго зачерпнула вместе с песком еще и рака-отшельника. Песком Глубину присыпало лапы, а рак, в недоумении, спотыкаясь, полез через него.

– Хватит. Уже. – прорычал Глубин, стараясь говорить как можно спокойнее. По другую сторону от него сестренка Жемчуг тихо и раздраженно вздохнула.

– А мне кажется, это тебе, Высочество, пора перестать отвлекать всех своей болтовней, – с напускной чопорностью проговорила Индиго.

– Индиго. – Позади них, подобно зловещему айсбергу, поднялась из воды королева Лагуна. Она медленно вышла на пляж между племянником и его задирой-подругой.

– Ваше Величество, – ответила Индиго, впиваясь в песок темными сине-пурпурными лапами. В ее голосе не было страха, но Глубин знал, какой трепет внушает ей королева. Бабушка открыто невлюбила Индиго, и никто не стал бы упрекать последнюю, стань она зарываться в водоросли всякий раз при появлении госпожи.

– Надеюсь, вы воспринимаете испытание серьезно? – спросила королева и окинула пристальным взглядом Глубина. У того словно угри заползали под чешуйками. Он бы предпочел оставаться для нее невидимым, как обычно. Он

младший принц, совсем не важная персона.

– Конечно, Ваше Величество. – Индиго сделала большие невинные глаза, будто в жизни не совершила ни единого проступка.

Позади снова раздался всплеск, и Глубин невольно задержал дыхание, когда на берег вышел еще один дракон.

К королеве присоединился самый почитаемый морской, уступающий в силе только ей, дед Глубина Альбатрос. Он был из одного с сестрой выводка, но при этом превосходил ее ростом почти на длину шеи, а его широкие крылья сейчас величественно раскинулись на песке. Его чешуя была синевато-серого оттенка, местами почти белая, тогда как темно-синие глаза казались почти черными. Вообще, цветом он напоминал чайку, которая, кстати, предпочла наблюдать за драконами с безопасного расстояния, сидя на верхушке пальмы.

Альбатрос смотрел на дракончиков поверх вытянутой, загнутой морды так же подозрительно, как и птица.

– Это пустая трата времени, Лагуна, – произнес он. – Меня никто не проверял, но мы быстро разобрались, на что я способен. Будь у них хоть толика силы, они бы уже знали. Или же это выяснится рано или поздно.

– Хотелось бы, конечно, рано, – бархатисто ответила королева. – Будь в племени еще один дракомант, это удвоило бы наши силы и здорово пригодилось, особенно если вспомнить, как себя в последнее время ведут земляные и радужные. Чем раньше мы выявим эту дракониху, тем скорее ты

начнешь ее обучать и тем скорее я смогу ее использовать.

К тому же, – она понизила голос, так что Глубину пришлось напрячь слух, – наверняка всем хотелось бы выявить новую колдунью не так... трагично, как тебя. Согласен?

Альбатрос едва заметно вздрогнул и окинул драконят скептическим взглядом.

– Моей силы более чем достаточно для твоих нужд. Я дал тебе все, что бы ты ни просила, разве нет? Ученик мне не нужен.

Лагуна свернула хвост кольцами и обнажила клыки. Внезапно она перестала казаться меньше Альбатроса. Глубин впился когтями в теплый песок, стараясь не дрожать.

– Хватит жалоб, – прошипела королева. – Испытания дракомантов продолжатся, и ты станешь следить за ними всякий раз, как я прикажу. Ты станешь обучать всякого дракончика, у которого мы выявим силу. Больше ты не посмеешь оспаривать мои решения.

Выдержав долгую паузу, Альбатрос склонил голову.

– Да, Ваше Величество. – Он сложил крылья и, пряча взгляд, прошелся вдоль ряда дракончиков. – Некоторые из вас наверняка слышали о дракомантах. Они редки и невероятно могущественны. Дракомантами не становятся, ими рождаются. Сегодня вам предстоит простая проверка, мы выясним, есть ли они среди вас. Я, – добавил он, – почти уверен, что нет.

Альбатрос взмахнул хвостом, и чайка на пальме испуган-

но вскрикнула – из-под кроны дерева сорвалось и, покотившись по песку, упало к ногам драконят восемь кокосовых орехов.

– Возьмите каждый по ореху, – велел Альбатрос.

Глубин медлил. Он побаивался исполнять приказ. В голосе Альбатроса звучала скука, однако орех, сам собой пролетевший по воздуху, может быть опасен. Того и гляди взорвется в лапах. Или обернется морским ежом и уколёт.

Жемчуг первой подобрала орех, следом за ней – Индиго. Они не закричали, и тогда Глубин тоже взял кокос в лапы.

Кокос как кокос: волосатый, немного тяжелый и теплый, нагретый солнцем.

– А сейчас, – сказал Альбатрос, – прикажите орехам подлететь и ударить меня.

Драконята смущенно переглянулись, переминаясь с лапы на лапу. Приближался прилив, и волны лизали Глубину хвост.

– Э-э, – протянула Индиго (кто же еще, это ведь ей надо всюду слово вставить). – Простите, но как нам это сделать?

Королева Лагуна удостоила ее сердитого взгляда, а вот на морде Альбатроса читалось смутное веселье.

– При помощи магии, если она у вас вообще есть, – ответил он. – Дракомант умеет подчинить себе всякий предмет. Мне вот для этого даже говорить ничего не надо, но неплохо начать и с устного приказа. Шепотом прикажите ореху подлететь ко мне и ударить.

С этими словами он улыбнулся.

– Ха, – отозвалась Индиго. – Не проще ли запустить им в вас?

Альбатрос грубо рассмеялся:

– Можно промахнуться. А вот зачарованный кокос всегда попадет в цель, как ни уворачивайся. Пытаться отвести его бесполезно. Ну же, за дело!

По сторонам от Глубина послышались негромкие голоса. Он взглянул на сестру – та, хмурясь, смотрела на орех у себя в лапах, – потом на Индиго – та встретилась с ним взглядом и пожалала плечами, мол, глупее я сегодня себя не чувствовала.

Глубин обхватил когтями коричневый шарик и поднес его к мордочке, чувствуя себя очень нелепо.

– Кокос, – прошептал он. – Э-э... будь так любезен, ударь моего деда, пожалуйста.

Орех не шевельнулся. Разве это грозный снаряд? Обыкновенный орех!

Глубин вздохнул. Он не мог сказать, что ощущал. Как-кая-то часть его надеялась... хотя, в общем-то, надеяться было глупо. Кроме Альбатроса, другого дракоманта морское племя не знало. Ходили слухи, будто бы дракоманты есть и в других племенах, но слухи оставались слухами. Может, Альбатрос – единственный? Шансы, что очередной колдун родился в морском племени всего через поколение-другое после него, тогда как прежде их не рождалось вовсе... шансы, что новый дракомант – Глубин...

– Глубин, медуза ты этакая, – хихикая, прошептала Индиго. – К чему эта вежливость? Нам велели приказывать.

– Уверена? – прошептал в ответ Глубин. – Ты даже не знаешь, как вежливость бывает полезна. У тебя самой манеры отвратительные.

Вот уже и прочие драконята принялись перешептываться. Ни у кого из них кокос не сделал ничего интересного. Альбатрос же обернулся к королеве с усмешкой, мол, я же говорил.

– Это кокосовый орех. – Индиго закатила глаза. – Уж им-то не грех покомандовать.

– Ну и ладно. – Глубин поднял орех чуточку выше и, пытаясь насмешить Индиго, взглянул на него строго и по-королевски, совсем как двоюродная бабка. – Слушай меня, кокос. Приказываю тебе перелететь через пляж и ударить моего деда.

Кокосовый орех вылетел у него из когтей, да так неожиданно, что Глубин неуклюже подался вперед, решив поначалу, что просто выронил его. Он удивленно вскрикнул, но Альбатрос по-прежнему смотрел на королеву. Орех ударил с такой силой, что дед раскинул крылья и упал в фонтане песка.

Повисла тишина.

Глубин прежде и не знал, что можно ощущать такой восторг и ужас одновременно. Хотелось нырнуть в пучину и кричать во все горло, но он не смел пошевелить и мускулом.

– Ого, – выдохнула Индиго.

Альбатрос медленно и неуклюже, увязая в белом песке, перекатился на лапы. Встряхнул крыльями и, морщась, выпрямился. Внезапно он показался Глубину старше. Не глядя на драконят и королеву, Альбатрос осторожно поднял ударивший его орех, посмотрел на него некоторое время и прижал к груди. Глубину послышался тихий треск. Он что, сломал деду ребра? Альбатрос исцелял себя при помощи ореха?

Неужели Глубин угодил в неприятности, каких еще не знал? Наконец Альбатрос взглянул на молодежь.

– Кто это сделал? – спросил он. Королева Лагуна окинула взглядом драконят и наконец остановилась на пустых лапах Глубина.

Тот втянул голову в плечи, а Жемчуг взяла да и указала на него:

– Это был мой братец. Глубин – дракомант!

– Скачущие барракуды, – обратилась к нему Индиго. – Поверить не могу, и ты молчал?!

– Я же не знал! – принялся оправдываться Глубин. – Даже не догадывался!

На самом деле он просто ни разу не думал приказывать неодушевленным предметам.

– Принц Глубин, – королева изобразила сияющую улыбку и шагнула к нему. – Это же просто чудесно. Тебе предстоят удивительные и важные свершения во благо мо... твоего племени.

Глубин уставился на свои лапы, подумав: «Я дракомант.

Самый редкий из драконов. Я. Я все же особенный. Владею магией, какой нет ни у кого в Морском королевстве».

Разве что у одного дракона.

Глубин посмотрел на деда.

– Да уж, – с улыбкой произнес Альбатрос. – Какое счастье.

У него за спиной, пока никто не видел, из джунглей выползла и обвилась вокруг шеи чайки лиана. Глубин завороченно смотрел, как птица, не издав ни звука, задохнулась.

Альбатрос же, сохраняя спокойное и дружелюбное выражение на морде, похлопал внука по плечу.

– Еще один дракомант в племени, – сказал он. – Я очень, очень этому рад.

Глава 2

Мракокрад

Первое, что он услышал, были голоса из-за пределов ТЬМЫ.

– Думаешь, пора? Сейчас? Сегодня ночью?

– Да. Матери ночных всегда это знают. К тому же сегодня ярчайшая ночь, как и предсказывала Провидица. Трехлунная ночь... у нас уже целый век не рождалось трехлунных драконят! Змеи и многоножки, хватит расхаживать, не то ухо тебе отгрызу.

– Только попробуй, и я сделаю так, что у тебя все зубы

выпадут.

Короткая пауза.

– Арктик, я же пошутила.

– Ладно. Я тоже.

Слов дракончик еще не понимал, но его переполняли потоки эмоций из обоих умов. Один (мамин, это он знал инстинктивно) был поглощен тревогой, заботой, готовностью любить и защищать, но в мгновение ока эти чувства превращались в ярость. Второй, подгнивший у краев, излучал решительность и холодный гнев.

Зашуршало, и мир наклонился. Внезапно малыш увидел свет – мягкий и приглушенный, льющийся из-за стены, о которой он до того и не подозревал. Свет звал к нему: выходи, выходи. Выходи сейчас.

– Зачем ты их перекладываешь? – спросил злой голос. – Мы наших держим под снегом.

– А наши вылупляются при лунном свете, – ответила мама. – Хватит ворчать. Им ничто не грозит. Ночные так поступают уже сотни лет.

Рядом что-то резко и громко застучало.

– Не трогай их!

Движение. Закружилась голова. Наступили тепло и покой.

– Почему они разных цветов? – громко, надтреснуто и неровно, в тон постукиванию, спросил неприятный голос. – Из-за нас? Может, вон в том больше от ледяного?

– Нет, – возразила мама. – Яйца ночных почти всегда чер-

ные, но те, что вылупляются в полнолуние, серебристые. Вот как это. Не понимаю, почему второе так и осталось черным? Вылупиться-то они должны одновременно.

– Что-то с ним не так, – пробормотал второй, мужской голос.

– С моими детьми, – ответила мама, – все замечательно.

Мир снова наклонился и встал очень устойчиво, так просто его теперь было не опрокинуть. Дракончик ощутил нечто новое, биение второго сердца, медленное и мерное, совсем рядом. Он попытался дотянуться до разума сестренки, но в нем были только мир и тишина. Ни капли стремления поскорей оказаться снаружи, тогда как он знал, что времени не много. В его распоряжении только миг, этот миг.

– Мы слишком высоко, – проворчал злой голос. – Они упадут. Что за глупая традиция! Надо было отнести их в Ледяное королевство.

– Чтобы они там замерзли, едва вылупившись? – язвительно спросила мама.

– Не замерзли бы, – прорычал второй голос. – Не забывай, они наполовину ледяные.

– А уж как твоя мать была бы рада встрече с ними, – отрезала мама. – Моя семья хотя бы не убьет малышей, едва увидев их. Наоборот, защитит их.

– Твоей семье не на что жаловаться. Я привнес в их род королевскую кровь.

Мать угрожающе зашипела:

– Понятно. Соболезную, что к ней примешалась моя, простодраконья кровь.

В голове у дракончика промелькнули сцены насилия, окровавленной чешуи и замороженных когтей. Его матери грозила беда. Надвигалось несчастье, однако он мог его предотвратить. Надо лишь вылупиться сейчас.

Он вжался когтистыми лапками в стенки вокруг, стал толкаться и лягаться, напрягая силенки. Наконец что-то треснуло, и стенка под задними лапками поддалась.

– Смотри, выходит. – Сработало. Родители отвлеклись от свары, особенно мама, все мысли которой теперь занимал малыш, и ее разум возбужденно засиял.

А он тем временем попытался снова мысленно дотянуться до тихого сердцебиения. Умей он говорить, позвал бы: «Выходи со мной! Толкай! Борись!»

Но говорить он еще не умел, да и сестренка не слушала.

– Приближается буря. Это как-то связано с твоими лунными суевериями?

– Вряд ли, но это и не важно. К тому времени, как буря разыграется, малыш уже вылупится. Ты посмотри, какой сильный. – Последовал миг, вспышка, когда взрослые почти что разделили одно и то же чувство, а потом мама добавила: – И кстати, это не суеверия. Если чего-то не понимаешь, это не повод вести себя как носорог тупорылый.

В голове снова пронеслись сцены насилия. Надо было поднажать. Дракончик впился когтями в стенки и принялся из-

виваться, давя сразу во все стороны.

Свет, свет, свет так и звал наружу, чтобы пригладить когтями его крылья, просочиться в чешуйки, наполнить его силой серебристого сияния. Он и сам хотел эту силу, всю, без остатка.

ХРУСТЬ-ХРУСТЬ-ХРУСТЬ.

Стенки разлетелись в стороны.

Внутри хлынул свет полных лун.

С неба на него взирало три серебристых глаза, огромных и идеально круглых на фоне тьмы. Чувство было, что они погружаются в его грудь, тают в глазах. Хотелось сгрести их и проглотить.

Он лежал в резном каменном гнезде, выложенном черным мехом, на вершине острого выступа. Рядом, почти неразличимое на фоне меха и в тених, лежало неподвижно второе яйцо.

Внизу раскинулась долина, освещенная огнями и изрытая расселинами и норами, в которых, отдаваясь эхом, свистел ветер. Казалось, тут порылся гигантский дракон, оставив повсюду в камне тайные каньоны и пещеры, тянущиеся вдаль, до самого залитого звездным светом моря.

Спустя мгновения дракончик сообразил, что позади него стоят два взрослых дракона, плотно прижавших крылья на сильном порывистом ветру. Один был черен как ночь, другой – бледен как луны. Дракончик оглядел себя, хотя и так уже знал, что он такой же темный, как и первый дракон. Как

его мама. От кончика морды до хвоста она искрилась гневом, но в ее сердце оставалось место и любви, и она уже обожала своего малыша всей душой. Он это чувствовал. Мамино чувство наполняло его, как наполнял до этого лунный свет, быстро показывая мир в понятных формах. Дракончик мгновенно исполнился неугасающей любви к маме.

Опасность исходила от белого дракона. Это был отец, муж любящей драконихи. Даже от мимолетного взгляда на него в голове новорожденного, сбивая с толку, начинали мелькать образы: боль, ярость, кричащие драконы и кровь, кровь повсюду. Белый дракон совершил нечто ужасное, и это преследовало его, и однажды он совершит нечто еще более страшное. Разум отца пятнами гнили марала злоба.

Немедленно захотелось обратить его в огненный шар и развеять пепел. Однако где-то глубоко, под слоями льда тлел крохотный уголек любви к матери. Только это его сейчас и спасло.

«Подождем, посмотрим», – сказал себе дракончик. Он пока еще не понимал, что умеет предвидеть будущее, не понимал, что значат эти мелькающие в голове образы. Он не умел следовать тропами, что вились перед ним; не понимал причин и следствий. Зато в разуме мамы увидел, что значит «надеяться», а в разуме отца разглядел очертания чего-то под названием «терпение».

Однако дракончику было невтерпеж. Так много должно было произойти между ним и этим драконом-отцом.

– Мракокрад, – сказала мама. – Здравствуй, мой родной.

Она протянула ему лапу, и он охотно забрался на нее, радуясь теплу.

– Мракокрад? – фыркнул отец. – Да ты шутишь, наверное. В жизни не слышал имени дурнее.

– Оно не дурное, – отрезала мама, и дракончик согласно обнажил зубы, чего ни один из родителей не заметил. – Мрак – его добыча. Он, как герой, отгоняет и крадет его.

– Скорее уж, крадется во тьме за жертвой. Как тайный убийца.

– Хватит ужасов. Не твое это дело. Это мое королевство, у нас имена детям дают матери.

– А у меня в королевстве драконят нарекает дракон наивысшего положения, и имена должна одобрить королева.

– И уж конечно, твое положение выше моего, – огрызнулась мама. – Вот только мы не в твоём королевстве. Ноги моих детей не будет на ваших обледенелых пустошах. Нравится тебе или нет, но мы тут, и это мой сын, и я нарекаю его Мракокрадом.

Отец окинул дракончика взглядом внимательных и холодных, как лед, глаз. Его недовольство крепло, похожее на ледяную глыбу.

– Он до последней чешуйки ночной, – прорычал отец. – В нем ни капли от меня.

С обеих сторон полыхнули подозрение, ненависть и негодование, но все они остались невысказанными.

– Хорошо, – произнес наконец отец. – Пусть будет злое Мракокрад. Но второго дракончика нареку я сам.

Мать помедлила, глядя на яйцо, так и оставшееся черным. Мракокрад прислушался, как разум сестренки отстраненно переваривает услышанное. Мама даже не знала, вылупится ли кто-то вообще из этого яйца, готовая отдать всю любовь Мракокраду, идеальному трехлунному дракончику. Всю любовь до капли, и он был готов принять ее.

Однако Мракокрад знал, что во втором яйце сестренка. Живая, просто тихая. Неторопливая. Ей не было дела до лун, которые вызвали его. Она их просто не слышала.

В лапках защекотало.

А ведь все можно изменить.

Он мог коснуться яйца и призвать ее. Неким образом дракончик знал, что получится: мысленно видел, как от его прикосновения скорлупа станет серебристой, треснет и раскроется, выпуская сестренку. Он уже видел необычную и прекрасную дракониху, с которой три полные луны тоже поделятся силой.

Тогда они станут равными. Ведь она тоже родится под тремя полными лунами. У нее тоже будет сила, как у него... и ее также будет любить мама.

А ее любовь и так уже приходится делить с недостойным ледяным чудовищем напротив.

Нет. Любовь и силу он оставит себе. Надо лишь ничего не предпринимать. Сестренка вылупится в свое время – завтра,

когда закончится полнолуние. И лишь он один будет особенным.

– Ладно, – уступила мама. – Если из этого яйца вылупится дракон, называй как хочешь. Только... помни, что расти она будет в ночном племени. Ей будет нелегко, так что будь добрым. Подумай о ее будущем и что ей предстоит искать свое место.

Отец кивнул, внутренне закипая оттого, что ему указывают, что делать, как какому-то низкорожденному дракону в учениях.

«С сестренкой все будет хорошо», – подумал Мракокрад. Перед ним раскинулась тысяча вариантов будущего. Были те, в которых сестра присоединялась к нему в поисках власти; были те, в которых она билась с ним и побеждала; и те, в которых они становились лучшими друзьями; и такие, когда один из них убивал другого. Но когда Мракокрад сложил лапки, предпочтя не пускать их сегодня в дело, всякое будущее, в котором и его сестра была трехлунной, сделалось невозможным.

Эти варианты погасли перед его мысленным взором, и хотя он не знал точно, что это значит, ощутил себя чуточку спокойнее, чуточку больше и сильнее.

«Прости, сестренка, – подумал он, но не словами, а картинками будущего, скачущими в его голове. – Это моя мама. Мое полнолуние.

И мир теперь тоже мой».

Глава 3

Глубин

Прошло несколько дней, прежде чем Альбатрос вызвал к себе Глубина. Произошло это прямо во время урока географии, и желудок Глубина подпрыгнул, потом ухнул вниз и принялся выписывать кривые, словно повторяя очертания каньонов вокруг Глубокого дворца.

«Дед хочет меня видеть? Прямо сейчас?»

Посланник передал, что Альбатрос ждет его на закате, на берегу у Островного дворца. Одного. Светящиеся чешуйки под крыльями посланника мигали, передавая сообщение на

морском языке. Проплывавший за окном угорь взглянул на драконов и тут же метнулся прочь.

«А Индиго со мной нельзя?» – спросил Глубин, взглянув на подругу. Та сидела рядом на карнизе розового коралла, какие тянулись вдоль стен класса. Драконы цеплялись за уступы когтями, расправив крылья. По другую сторону от Глубина сидела Жемчуг и со скучающим видом изучала свой хвост.

Сестра Глубина сверкала, увешанная драгоценным камнями: ее тело и лодыжки опутывали длинные нити жемчуга, опалов и сапфиров. Единственным украшением Индиго служило плетеное ожерелье из темно-пурпурных водорослей, которое Глубин сделал для нее на прошлой неделе. Ему самому оно нравилось, потому что сочеталось с цветом ее глаз. И Индиго нравилась ему, потому что носила подарок с удовольствием, даже в окружении суровых и увешанных драгоценностями драконов Глубокого дворца.

Уходить без нее не хотелось. Он вообще мало куда без нее выбирался; чуть ли не с самого рождения они были неразлучны. Мать Индиго служила в армии королевы Лагуны и до самой гибели крепко дружила с матерью Глубина. Отец Индиго курировал музей в Островном дворце и был только рад оставить единственного ребенка на попечение воспитателям Глубина и Жемчуг. Индиго стала единственным драконом, без капли королевской крови в жилах, кого приглашали на все собрания королевской семьи.

«Спроси Индиго, она вообще хочет идти? – Индиго ткнула его крылом в крыло. – Хотя бы ради приличия. А то мало ли, вдруг она занята?» Она постучала по макету королевства, занимавшему почти весь класс, и от ее прикосновения откололся кончик подводной горы. «Ой, – сказала она с виноватым видом под хмурым взглядом воспитателя. – Забудь, я полностью свободна».

«Альбатрос отдельно подчеркнул “одному”», – пожав плечами, просигналил посланник.

«Уж как-нибудь переживете небольшую разлуку до вечера», – встряла Жемчуг, закатывая глаза.

Глубин все понимал, но чувствовал себя очень странно оттого, что не мог чем-то поделиться с лучшим другом. А еще он не переставал думать о задушенной чайке... хотя знал, что смерть птицы еще ничего не значит и что он наверняка все истолковал неверно, а птица вообще сама удавилась. В природе же такое случается?

«Я согласен с Жемчуг, – сказал преподаватель. – Возможно, в ваше отсутствие Индиго сумеет сосредоточиться на географии Морского королевства».

Индиго печально вздохнула, пустив ноздрями струю пузырей: «Вот уж вряд ли».

«Ты чего это раскис, как медуза? – набросилась на Глубина Жемчуг, ослепительно сверкая чешуйками. У Глубина от мерцания чуть голова не разболелась, и он несколько раз моргнул. – Ты избранный или кто? А ну марш давай к деду,

на эту вашу особую встречу».

«Ага. – Индиго снова ткнула в него крылом. – Повеселиться тебе! Ты этого так ждал!»

Она была права. Альбатрос до первого занятия запретил пользоваться магией, и Глубин ощущал, будто в эти несколько дней его когти увязли в песке. Он знал, что способен на чудесные вещи и жаждал высвободить силу. Пустить, наконец, ее в ход, позабавиться; выяснить, на что он способен. А для этого ему нужен был дед, единственный из всего племени понимавший, как работает дракомантия.

«Ну хорошо, скоро вернусь, – пообещал он. – Надеюсь».

«Да-да, если только ты не слишком особенный и волшебный, чтобы общаться с нами и дальше», – заметила Жемчуг.

Глубин искоса взглянул на нее, пытаясь понять, злится ли она. Да с какой стати? Из-за того, что он – дракомант? Так ведь ничего не поделаешь.

Жаль ему, впрочем, и не было. Сколько он себя помнил, сестра оставалась претенденткой на трон. Прошла особую школу дипломатии, дополнительные уроки политики с королевой, частные занятия по каллиграфии (исправлять было что), и даже продвинутые курсы по этикету (вот уж от чего он был рад откосить). И после этого ей не хватало особенности?

Ладно, править племенем ему не суждено... Но теперь у него есть магия.

Глубин летел к Островному дворцу, его словно подгоня-

ло течением. Все тревоги он сгреб в кучку и раздавил. Он особенный. Не просто очередной принц морских, которому уготовано вести одно из отделений королевской армии, получить обычное образование и жить непримечательной жизнью.

У него магическая сила, и он способен на удивительные дела.

Он пока еще точно не знал, что сотворит, но пытался придумать нечто эдакое, чтобы показать Альбатросу, какой он умный и предусмотрительный.

Островной дворец представлял собой утонченный и обширный комплекс павильонов и двориков, комнат и террас, садов и тропинок, покрывавших целый остров в сердце Морского королевства. Несколько тропинок вели к павильонам над водой, со стеклянными полами, чтобы и на суше драконы могли любоваться морем. Сады украшали статуи бледно-розовых коньков и белых, как кость, дельфинов. Переливающиеся радужными цветами раковины пауа¹ вдоль полированных деревянных стен складывались в узоры в виде морских волн, увенчанных пенными шапками из жемчуга.

Здесь королева Лагуна развлекала гостей из других племен изысканными празднествами по несколько дней подряд. Тут же раз в месяц собиралась королевская семья, поэтому и

---

¹ Пауа – название трёх видов новозеландских крупных съедобных морских ракушек, относящихся к семейству Haliotidae и выделяющихся среди других ракушек необычайно яркими переливами перламутра.

у Глубина тут имелось собственное бунгало, которое он делил с Индиго и Жемчуг.

Для дворцовых событий имелось два главных пляжа. Ради покоя или тихих бесед, в поисках мира, тишины и уединения драконы выбирались на рассветный пляж. Вот Глубин и удивился, что Альбатрос вызвал его на закатный пляж, где часто начинались вечеринки до самого утра. Обычно и королевские свадьбы проходили тут; даже родители Глубина, Манта и Риф, пять лет назад женились на закатном пляже.

Однако посреди дня тут было пустынно. Стоя в одиночестве на белом песке, Альбатрос следил, как всплывает Глубин. Волны лизали его когти, размывая песок, но Альбатрос как будто не замечал, что вязнет все глубже.

– Здравствуй, внучок, – приветствовал он Глубина, улыбаясь и широко раскинув крылья. – Как сегодня, ощущаешь силу? Готов творить магию?

– Да! – ответил Глубин.

– А ну, покажи мне лапы, – предложил Альбатрос и внимательно присмотрелся к передним лапам, которые Глубин вытянул перед собой, разглядел их со всех сторон, словно пару абсолютно одинаковых изумрудов.

– Гм-м-м, да, занятно, – произнес он наконец. – В этой лапе определенно больше силы, чем в этой.

– Правда? – благоговейно спросил Глубин, разглядывая перепонки на свет.

– Ну конечно, это ясно. Разве не видишь?

Глубин задумчиво кивнул:

– Я... да... конечно, она сильнее... чешется, словно... –

Тут он заметил злорадное выражение на морде деда. – Пойди. Ты подшутить решил!

Альбатрос тепло рассмеялся, дыша рыбой:

– Не устоял. Прежде поддевать было некого, но теперь-то, думаю, мы знатно повеселимся, выясняя, на что способна твоя магия.

Глубин кивнул и просиял. Прежде дед не вел себя с ним столь общительно. Он всегда такой занятой, что к нему и подойти-то страшно, постоянно работает над проектами для королевы Лагуны. Сколько Глубин помнил деда, тот всегда был добрым, но отстраненным.

– Ну так что, – спросил Альбатрос, ныряя в воду, – поплыли?

– Куда? – спросил Глубин. Он-то ждал урока на пляже, с кокосами, или где-нибудь в тенистом дворике, куда слуги приносили бы им манговый сок и креветок на блюдах.

– Сестра хочет, чтобы я показал тебе свой самый секретный проект, – сообщил Альбатрос. Беспечно вскинув голову, он подмигнул Глубину. – Наверное, чтобы ты мог закончить его, если я вдруг умру.

– О нет, – вскинулся Глубин. – Не надо! У меня никогда не выйдет таких удивительных вещей, как у тебя. – Говоря так, он, впрочем, задумался: правда ли это? Сумеет ли он однажды создать нечто столь же блестящее, как творения деда?

Станут ли его любить, уважать и ценить, как Альбатроса?

Глубин немного видел, как работают зачарованные предметы. Самым поразительным ему показалась морская раковина, которая мерцала всякий раз, как кто-то при ней лгал. Предназначалась она королеве – на время допросов и переговоров, но Лагуна разрешала пользоваться ей домочадцам в любое время. С ее помощью Манта и вынудила Индиго с Глубином признаться, что это они подмешали кальмаровы чернила всем в зубную пасту (на самом деле, придумала все Индиго, но Глубин, испугавшись, что их разлучат, разделил с ней вину).

– Ты, наверное, удивишься, – произнес Альбатрос, – но мне нравится твое предложение – не умирать.

Сказав это, он улыбнулся и нырнул. Пришлось Глубину приложить усилия, чтобы не отстать от деда, мощно загребавшего крыльями.

Плыли они долго и совсем не в сторону Глубокого дворца. «Куда это мы?» – думал Глубин. Острова в этой стороне лежали редкой россыпью, омываемые сильными течениями. Сквозь толщу воды проникал золотистый солнечный свет, выхватывавший косяки пестрых ярких рыбешек.

Наконец Глубин увидел впереди основание вздымающегося со дна моря острова, окруженного серыми валунами и высокими каменными пиками. Альбатрос направился прямо к зарослям рыже-желтых водорослей, нырнул прямо в этот колышущийся лес. Следом за ним и Глубин проник сквозь

липкие стебли в тоннель в толще горы.

Свет померк, и у Глубина открылось ночное зрение. Он видел каждый изгиб и поворот тоннеля по мере того, как они заплывали в него все глубже и глубже. Глубин уже подумал, что они с дедом проплывут насквозь весь остров, но тут они оказались в широком открытом озере.

Глубин вынырнул рядом с дедом. Они были в самом сердце острова, окруженные со всех сторон высокими утесами. В ярко-синем небе кружили бакланы.

Посреди озера из воды росло нечто странной формы. На первый взгляд, оно напоминало рог нарвала, как будто кто-то взял и сплел в косичку четыре высоченных белокаменных столба. На равном расстоянии друг от друга из них росли плоские пузыри. Глубин испуганно понял, что они и правда растут: расширяются дюйм за дюймом, медленно, как ползущий по дну морской слизень.

Да и вся конструкция напоминала бесформенный, кривой пузырь, странный нарост на внутренностях прекрасного острова.

– О нет, – обронил Глубин. – Что тут не так?

Альбатрос долгое время молча изучал конструкцию, а потом ответил:

– С чего ты взял, будто здесь что-то не так?

– Э-э... прости, – запинаясь, пробормотал Глубин. – Оно... должно так выглядеть?

Альбатрос окунул голову под воду и снова высунул ее с

улыбкой.

– Проект пока не завершен, – беззаботно сказал он. – Только принимает окончательный вид. Должен признать, не думал, что времени уйдет так много. Но когда все будет закончено, поверь, он станет гордостью Морского королевства.

– О, я и не сомневаюсь! – не думая, ответил Глубин. – Он всем понравится! Это ведь... самое лучшее... такое здоровское... – Он умолк, ощущая себя тонущей улиткой.

– Это новый дворец, внучок, – подсказал Альбатрос, разворачиваясь и плывя к ближайшему берегу. – Полностью выращенный за счет дракомантии. Я называю его Летним. Здесь королевская семья будет пережить самые знойные дни.

Глубин моргнул, оглядывая извивающийся растущий павильон. В голове у него роилась уйма вопросов вроде: «А королева Лагуна знает о нем?», «Тут вообще кто-нибудь жить станет?», «А как оно поймет, что пора перестать расти?» или «Выглядит как-то... жутковато».

Правда, не хотелось показаться деду драконом, лишенным воображения и полным сомнений. Вместо этого Глубин хотел проявить себя выдумщиком, полным энергии и энтузиазма.

Он выбрался на берег рядом с дедом, чувствуя, как грубая галька скребет подбрюшье и хвост. Какое-то время они оба смотрели на зачарованный дворец.

– А вот как он будет выглядеть, когда вырастет оконча-

тельно, – сказал Альбатрос, открывая лежавшую рядом шка- тулку и доставая из нее свиток. Глубин развернул чертеж и ахнул.

– Как прекрасно, – сказал он. – Оно вот в это вырастет?

– По задумке. Я время от времени проводываю его, внося поправки и добавляя что-нибудь новое. Он растет уже больше семи лет, так что осталось недолго.

– Семь лет? – недоуменно повторил Глубин. Его голос от- разился неприятно громким эхом от стенок грота.

– Я зачаровал его так, чтобы он рос точно и аккуратно, как дерево, – гордо произнес дед. – Если ускорить его или внести беспорядок, это может повредить экосистеме острова.

«Правда? – удивился про себя Глубин. – А может, Аль- батрос просто ошибся в изначальном заклинании и сказал расти дворцу, не уточнив, насколько быстро? Вот была бы досада».

– У меня идея, – выпалил он.

– Уже? Очень... впечатляет.

– Я вот о чем: не знаю, хороша ли мысль и сработает ли задумка, но ты можешь применять магию на растениях?

– О да, я это несколько раз проделывал.

– Ну, тогда слушай, – распаляясь все сильнее, продолжал Глубин. – Мне показалось, что Летний дворец можно еще больше обезопасить, если укрыть его сверху. Ты так не дума- ешь? Сейчас любой дракон, пролети он над островом, уви- дит дворец. Однако ты можешь велеть растениям наверху

срастись и образовать навес, верно? Закрывать дворец для вида с неба. А полог все равно будет пропускать свет.

Дед запрокинул голову, вглядываясь в потолок грота.

– Да, – тихо согласился он. – Да, это определенно могло бы сработать. Какая дельная мысль, внучок.

Глубин чуть не раскинул крылья, готовый взмыть к небесам.

– А можно мне? – нетерпеливо спросил он. – Можно я сделаю это прямо сейчас?

– Обожди, – велел Альбатрос, забирая свиток с подробными набросками дворца. Убрав его в шкатулку, он откашлялся и произнес: – Я... должен тебя кое о чем предупредить.

Глубин нетерпеливо переминался с лапки на лапку. Его жизнь сплошь состояла из уроков и предупреждений. Не оскорбляй старших членов королевской семьи. Не ешь, пока не накрыли на всех. Берегись акул, пока не вырастешь, чтобы есть их. Не исследуй глубочайшие впадины в одиночку. Но чаще всего повторялось одно и то же наставление: на каждом семейном собрании королева зачем-то нудно напоминала ему не привязываться к Индиго «слишком сильно».

– Первый урок, – сказал Альбатрос, глядя Глубину в глаза, – в том, что всегда нужно быть осторожным. Не забывай: эта магия очень, очень сильна. Слишком легко сбиться с пути. Она дает могущество творить практически что угодно, кроме возвращения к жизни умерших.

Глубин заставил себя не оборачиваться на странное тво-

рение, медленно растущее у него за спиной.

– Я буду осторожен, – поспешил заверить он деда. – И сделаю все верно.

– Знаю, – похлопал его по плечу Альбатрос. – Тебе здорово повезло. Меня вот никто не направлял. – Помедлив, он добавил: – Ты слышал, как я сотворил свое первое заклинание?

Глубин покачал головой, дрожа от возбуждения. Ему всегда хотелось знать, как дед раскрыл в себе силы.

– Это было поразительно? – спросил он. – У тебя сохранился тот первый зачарованный предмет? Покажешь? Ты ощутил себя самым большим и самым невероятным драконом во всем океане? Сразу захотелось зачаровать все вокруг?

Альбатрос со вздохом провел хвостом по песку и окунул его в воду.

– Думаю, ты еще слишком молод для таких историй.

– Вовсе нет! – вскинулся Глубин. – Мне правда хочется знать. Прошу, расскажи.

– Все вышло случайно, – начал дед. – Не забывай: я и не думал, что получится. Не знал, что у меня есть силы, я вообще о них мало слышал, мы все думали, будто это просто легенды. А еще я был очень юн. Даже младше тебя.

Последовало молчание. «Не такой уж я и маленький. Много чего знаю», – подумал Глубин.

– У меня была пустая устрица, – быстро продолжал Альбатрос. – Знаешь, бывает, створки раковины остаются соеди-

ненными. Так вот, моя была крупная, но непримечательная. Я играл с ней на рассветном пляже, воображая, будто это – пасть дракона, гонящего крабов и чаек.

Этого Глубин уже не мог вообразить: его статный, грозный дед носится по пляжу с игрушкой.

– Тут пожаловали сестрицы посмотреть, чем это я занят. – Альбатрос говорил все тише, глядя в воду, будто там отражались события ушедших дней. – Лагуна и Сапфира. В те дни правила наша матушка, а сестрицы были еще слишком молоды, чтобы претендовать на трон. Зато они были крупнее и стали меня задирать. Дразнили, мол, чешуя у меня странного цвета и хвост смешной, зубы слишком мелкие, да и плаваю я как старая немощная утка. Так все сестры с младшими братьями обращаются, но я очень разозлился. Очень, очень разозлился.

«Все так обращаются?! – удивился Глубин. – Разве это нормально для братьев и сестер?» Сам он не всегда ладил с Жемчуг, но она не цеплялась к нему и не задирала почем зря. Старшие кузены так вообще не обращали на него внимания, слушая его рассказы или наблюдая за играми Индиго только из вежливости.

Глубин не помнил, чтобы кто-то из родственников когда-то его разозлил. Хотя... королева Лагуна однажды отправила Индиго за рыбой в пучину, лишь потому что во дворце закончилась ее любимая закуска. Мать Глубина тогда остановила Индиго и отправилась на охоту сама, а Лагу-

на, закатив глаза, пробормотала что-то, мол, нечего с низами нянчиться. Глубин не понял, что это значит, но то, как королева посмотрела на Индиго сверху вниз, ему точно не понравилось. Он весь вскипел тогда, хотелось рвать и метать.

«Это так Альбатрос разозлился? Это так он себя чувствовал?»

– Сапфира попыталась отобрать у меня раковину. «Что это у тебя?» – высоким издевательским тоном передразнил он сестру. Глубин прежде слышал о двоюродной бабке Сапфире, но никогда ее не встречал. Она ни разу не пришла на семейный ужин. Он даже не знал, жива ли она.

Глубин приуныл. Ему расхотелось слушать продолжение истории, но деда было уже не остановить.

Глядя Глубину за спину, Альбатрос погрузил когти в песок.

– Я закричал, мол, это мое. «О, – проворковала Сапфира, с легкостью отбирая у меня раковину, – так это твое сокровище? Знаешь, а ведь все твое станет моим, когда я взойду на трон. Даже этот дурацкий пляжный мусор». – Альбатрос глубоко вздохнул.

– Сам не знаю, почему обратился тогда не к ней, а к раковине. Может, потому что все еще видел в ней живое существо, а может, потому что во мне проснулся какой-то инстинкт. Как бы там ни было, я стиснул в лапах край раковины, который все еще держал, и прокричал: «Хватай! Откуси ей когти!» и выпустил.

Глубин пораженно раскрыл пасть. Альбатрос наконец снова посмотрел на него и поморщился.

– Знаю. Тебе повезло, что твой талант раскрылся не столь мрачным образом, – сказал он, не глядя коснувшись груди, как будто там еще болело. – Кровь потом еще несколько дней не смывалась с пляжа. Сапфира, понятное дело, после такого уже не могла стать королевой: дракон без когтей не может ни охотиться, ни воевать, а уж плавать... разве что как старая немощная утка. – Он сухо рассмеялся. – Боюсь, она потом немного спятила. Ее держат на острове вдали ото всех, под присмотром двух слуг, которым очень щедро платят. Лагуна навещает ее, а я вот к ней ни разу не наведалься. Полагаю, Сапфира и сама не желала бы меня видеть.

Он тяжело вздохнул.

Упав духом, Глубин посмотрел на собственные когти. Он-то думал, какие яркие и светлые, удивительные дела теперь может творить. Но что, если замечательная мысль возьмет и обернется чем-то мрачным и жутким? Вдруг он ошибется и причинит кому-то вред?

«Этого не будет, – шепнул внутренний голос. – Я буду осторожен и умен. Умнее деда».

– Я вовсе не пугаю тебя, – сказал Альбатрос, – но тебе надо это знать, чтобы понимать мои правила. Мои и королевы. Ты должен слушаться. Используй магию только под моим присмотром. Каждое заклинание, прежде чем пустить его в ход, обдумывай тщательно, неделями, и обязательно сове-

щайся со мной. Знаю, ты ощущаешь себя могущественным, понимаю лучше кого бы то ни было. Но ты еще и опасен.

– Хорошо, – согласился Глубин. – Знаю. Я все понял. Обещаю быть осторожным и всякое такое. А теперь, может, попробуем какое-нибудь заклинание? – Он в надежде подергал крыльями.

Альбатрос потер лоб:

– Думаю, зачаровать растение-другое не повредит.

– ДА! – вскричал Глубин. – Спасибо, спасибо!

Он стрелой взмыл в небо.

Несколько мгновений, и вот он уже парит высоко над кругом, образованным верхушками скал, над озером и будущим Летним дворцом. Жар солнца после прохлады внутри острова сперва ошарашил его, но еще больше ошеломил вскрик, раздавшийся из зарослей у края утеса. Глубин развернулся и, прищурившись, посмотрел на кусты, однако тут рядом с ним возник дед.

– Лазутчик? – спросил Альбатрос, хмуря брови. Он легонько шевельнул когтем, и весь кустарник вырвало с корнем и отнесло в море.

Оказалось, за ним скрывался маленький перепуганный дракончик пурпурно-синего оттенка.

– Индиго! – вскричал Глубин. – Ты что тут делаешь?

– Хотела убедиться, что с тобой все хорошо, – ответила она и выпрямилась, расправив плечи. – Простите, господин Альбатрос. Я вовсе не думала шпионить за вами. Просто сле-

довала за Глубином, чтобы приглядеть за ним.

– Что за глупости, – отозвался Глубин и нырнул вниз, приземлившись рядом с ней. – Не надо за мной приглядывать. Мешать мне вздумала? От тебя хлопот еще больше, чем от меня.

– А вот и нет! – возмутилась Индиго. – Когда это от меня были хлопоты?

– Ну, сама ты точно вляпалась в неприятности, – вмешался Альбатрос. – Королева не обрадуется, узнав, что ты видела ее самый секретный проект.

Индиго с вызовом вскинула голову.

– Но раз уж ты здесь, – сказал Глубин, – можешь посмотреть, как я творю свое первое заклинание! С растениями! У меня такая отличная мысль насчет зелени и всякого такого!

– Вообще-то, – произнес Альбатрос, – я притомился. Думаю, нам пора вернуться в Островной дворец.

– Что? – вскричал Глубин, опустив крылья. – Ну всего одну лозу? Ну пожалуйста.

– У тебя будет еще много времени, напрактикуешься, малец, – твердо возразил Альбатрос. – А вот я – старый мудрый дракон, и тебя совершенно точно учили уважать старших. Нам пора.

Спорить Глубин не решился, хотя так и кипел от разочарования. На обратном пути к Островному дворцу никто не говорил, даже Индиго. Альбатрос приземлился на пляже в оранжевом закатном свете.

– Хорошо позанимались, внучок, – сказал он Глубину, легонько похлопав его крылом по крылу. – Я вижу в тебе огромный потенциал. Мы с тобой составим отличную команду. – Он коротко взглянул на Индиго, которая тихонько стояла рядом с Глубином, роняя в песок капли воды. Она была так близко, что Глубин всеми чешуйками ощущал исходящее от нее тепло. – Не забывай только, что я говорил об осторожности. А пока спокойной вам обоим ночи. До скорого, Глубин.

С этими словами он заскользил прочь в сторону жасминового сада. Как только он скрылся из виду, Глубин топнул по песку и наконец выдохнул.

– Хорошо позанимались? – вскричал он. – Да мы же ничего не сделали! Он все болтал и болтал!

– Да, но когда он прежде с тобой говорил так долго? – напомнила Индиго. – По-моему, это уже хорошо.

– Вот уж нет, – проворчал Глубин. – Я хотел что-нибудь зачаровать. Думал, дед даст мне поупражняться.

– Наверное, это моя вина, – поникнув, предположила Индиго. – Он, похоже, просто не хотел, чтобы ты упражнялся при мне.

– Вряд ли дело в этом. – Глубин сел и стал сгребать хвостом песок в высокий холмик вроде заготовки для песочного замка. – Он и до твоего прихода странно себя вел. Как будто не помнит, каково это – предвкушать что-нибудь этакое...

– Старики, – сказала Индиго, сокрушенно качая головой.

Потом добавила в холмик розовых ракушек. – Как думаешь, королева... станет кричать на меня? Или... запретит дружить с тобой?

– Ничего у нее не выйдет, – уверенно заявил Глубин. – Я запечатаю ей пасть.

Индиго хихикнула, но ее тревога так и не прошла. Может, королева Лагуна и ей говорит разные гадости, пытаюсь разделить с Глубином?

Обернувшись, он отыскал на берегу выбеленный кусок пла́вника². Подобрал и с широкой улыбкой взглянул на Индиго.

– Даже не думай, – предупредила та, как всегда догадавшись, что у него на уме. – Дед же запретил тебе использовать магию без его одобрения! Ты даже не представляешь, что творишь!

– Нет, представляю, – возразил Глубин. – Одно крохотное заклинание не повредит. Надо только не ляпнуть глупость. – Он ухватился за корягу обеими лапами. – Приказываю тебе, деревяшка, принять форму маленького и милого осьминожки.

Он отложил деревяшку на песок и со смесью удивления и восторга стал следить, как от ее краев отделяются небольшие завитки, за ними – крупные клинышки... Вот, наконец, медленно обозначилась голова, а за ней – восемь резных щупалец.

---

² Плавник – куски дерева, выбрасываемые на берег большого водоёма.

Несколько минут, и осьминог был готов: размером с лапу взрослого дракона, с гибкими щупальцами и проказливым выражением на морде. Глубин подобрал его и отряхнул от песка.

Такой совершенной резьбы он еще ни разу не видел. Фигурка получилась в точности какой он ее задумывал, хотя прежде, когда пытался резать из дерева когтями, такого не выходило.

– Это тебе, – сказал он, протягивая осьминожку Индиго.

– Ого. – Она осторожно взяла деревянного моллюска. Было видно, как она прячет улыбку; подарок ей нравился, однако она всячески, хоть и безуспешно, старалась придать мордочке неодобрительное выражение.

– Мог бы и когтями вырезать, – заметила Индиго.

– Знаю, но тогда вышло бы не так хорошо.

– Как по мне, у тебя отлично получается. Та белуга все еще у меня.

Вспомнив свой первый подарок для Индиго, Глубин рассмеялся:

– Да ладно, я-то задумывал грациозного дельфина.

Индиго фыркнула:

– Ну, белуги мне все равно больше нравятся. Просто я о том, что для творчества магия тебе не нужна.

– Может, и так, но без нее такого не получилось бы. – Коснувшись когтем головы осьминога, он прошептал: – А теперь оживи и будь самым милым, преданным и послушным

во всей Пиррии питомцем.

Осьминог моргнул и уставился темными глазами сперва на него, потом на Индиго. Она ахнула, а моллюск оплел ее запястье щупальцами, словно обнимая.

– И как ты утаишь это от деда? – строго спросила Индиго.

– Это уже моя забота. Ну разве он не восхитителен?

Осьминог еще удобнее устроился на лапе Индиго, и тут уже дракониха не сдержала улыбки.

– Поверить не могу, что ты наколдовал мне питомца, – сказала она. – Какой же ты балбес.

Глубин погладил когтем одно из щупалец. На ощупь оно было деревянное, но при этом теплое и гибкое. Осьминожка с любопытством ткнул его в мордашку.

– Как назовешь?

– Пузырек, наверное, – быстро ответила Индиго. – По нему же сразу видно. Ты ведь Пузырек, да?

Осьминожка с достоинством вскарабкался вверх по ее лапе на плечо, на шею и, наконец, с удобством устроился на макушке, свесив по бокам от головы щупальца.

– Ой, мама, – сказала Индиго. – Надеюсь, осьминожки шляпки в этом году в моде?

Глубин от смеха покатился и случайно вдохнул песок. Отфыркиваясь, он краем глаза заметил, как Индиго восторженно косится на осьминога.

«Видишь, дедуля? Нашу силу можно употребить и во благо. Осчастливить других.

Я ошибок, как ты, не совершу. На меня можно положиться. Все будет просто замечательно».

Глава 4

Ясновидица

Ясновидица работала в библиотеке.

Из библиотеки она почти не вылезала, и родители шутили, мол, ей и вылупиться надо было там, а не на лунном пике. Но если бы они отнесли яйцо в читальный зал, она не родилась бы под светом полной луны и не получила дар пророчества, и тогда бы ей вовсе не пришлось торчать столько среди свитков. Однако стоило напомнить об этом родителям, как те качали головами, вздыхая оттого, что дочь не понимает их блистательного юмора.

Библиотекарь выделил ей отдельный кабинет, хотя Ясновидица подозревала, что он считает ее чокнутой и при случае просто хочет иметь возможность запереть.

На пяти столах были разложены наполовину пустые свитки, и она, роняя с когтей чернильные капли, металась от одного к другому и делала пометки на скорую лапу.

А если и правда притвориться чокнутой, изменит ли это хоть что-то?

Она закрыла глаза и попыталась разглядеть, каким будет будущее, если осуществить замысел. Запрут ли ее в психушке? Спасет ли это ее племя? Станет ли тогда жизнь лучше?

Сомнительно; никто ей не поверит. Этот путь закрыт.

Бежать не получится.

«Записывай дальше», – велела себе Ясновидица и перешла к следующему свитку, попыталась отследить начатый на нем временной поток. Как же запутанно. Шаг первый: встретить его; шаг второй: хаос вокруг каждой потенциальной временной ветви.

Со стороны двери донесся тяжелый вздох.

– Здравствуй, пап, – не оборачиваясь, сказала Ясновидица. А эта заметка – когда она ее сделала? «Морской дракон несет смерть... Морской дракон несет спасение. Не дай ему прийти... Он должен прийти, любой ценой».

Р-р-р-р-р! Ясновидица уронила голову на стол и ударила хвостом по каменному полу.

– Ясновидица, – обратился к ней отец. – Ты еще слишком

молода, чтобы так волноваться.

– Мне стоит волноваться *больше*, – сказала она, поднимая голову, и снова сощурилась на записи о морском драконе. В Морском королевстве скоро случится нечто поистине ужасное, будет много смертей. Эта страна так далеко, и потому так трудно уверенно говорить о деталях. Следует ли кого-то предупредить? Ясновидица так и хотела поступить, но не видела будущего, в котором ей поверят. Бедные морские. – Какой прок в предвидении, если не можешь исправить будущее? Если сосредоточиться лучше, можно проследить все варианты. Разобраться в грядущем.

– Все варианты? – эхом повторил отец. – Все возможные витки будущего, порожденные любым твоим выбором и выбором любого другого дракона? Ты сама-то себя слышишь? Родная моя, это невозможно. Так с ума сойти недолго.

– Нет, – рассеянно возразила Ясновидица. – Я только что проверила: в будущем безумие меня не ждет. Тут без вариантов.

– Вообще не обязательно отдавать этому дару всю себя без остатка, – сказал отец. Он перешагнул через разложенный на полу свиток, едва не угодив в лужицу синих чернил, и вклинил крыло между столом и дочерью. Ясновидица подняла взгляд, потирая лоб.

– Послушай, – с безграничной нежностью обратился к ней отец, – я знаю, что твой дар сильнее, чем у любого из провидцев ночных драконов за последние несколько поколений.

Знаю, что у тебя чувство, будто ты способна видеть все, что тебя ждет.

– Все не так просто. Нельзя просто заглянуть в будущее и жить как по накатанной. Я вижу все возможные варианты, все, что может случиться со мной и племенем, и все зависит от того, как я поведу себя. Но вариантов так много, за ними не уследить, и чем глубже я заглядываю в будущее, тем запутаннее и беспорядочней оно становится...

– Понимаю. – Отец обнял ее крыльями, и она уронила голову ему на грудь, вслушалась в биение его сердца. Как бы он ни пытался, ему было не под силу понять дочь. Он ведь будущего не видит и мыслей не читает. Отец милый, самый обычный, и его не терзают муки выбора, его решения едва ли влияют на будущее. – Однако, даже если бы ты видела все, вряд ли ты могла бы всем управлять. Да хоть чем-нибудь. Чему быть, того не миновать. Кто-то другой изменит твой путь, и ты не сможешь его остановить.

«Ты даже не догадываешься, насколько ты прав, пап».

В уме снова появился образ Мракокрада: им еще только предстояло встретиться, но всякий раз он появлялся в уме Ясновидицы не один, а в урагане видений. Радость и любовь, боль и ужас – и все они были так крепко переплетены, что она не могла распутать этот клубок, задыхалась.

– Мне надо уйти, – выпалила Ясновидица. – Далекое. Может, в дождевой лес. Или в Земляное королевство. Или в затерянные земли. О, это изменило бы все, иначе просто не

может быть!

Она отстранилась и посмотрела на отца, в его грустные глаза, которые станут еще грустнее во многих, очень многих вариантах будущего.

– У меня могла бы быть совершенно иная жизнь, пап. Я могла бы стать исследователем, составить карту неизвестной части мира. Могла быть жить одна, и тогда сама решала бы свою судьбу, да?

«Если не встречу с ним... рассеется ли тьма? Безопаснее ли станет для всех?»

Она закрыла глаза, пытаясь проследить этот путь – тонкую трепещущую ниточку будущего, в котором она завтра же улетает за океан, совсем одна. Это не то чтобы невозможно. Просто почти невозможно. Вот только радости этот путь не принесет. Туман в конце пути, возможно, означает, что она сгинет где-нибудь посреди моря. А ее племя все равно ждут кровь и мрак. Возможно, даже еще большие.

Это было самое страшное: большая часть вариантов будущего, в котором она уклонялась от встречи с Мракокрадом, пугала еще сильнее. Словно знакомство с ней меняло его путь, хоть и не наверняка.

В голове пронесся образ выгнутой серебристо-золотой короны с шипами.

«Какая это временная линия? О, третий стол». – Отстранившись от отца, Ясновидица склонилась над свитком и сделала пометку.

– Родная, чего ты так боишься? – спросил отец, нежно беря ее за лапы. Его когти покрылись потеками синих чернил, как кровью ледяных драконов.

«Откуда мне вообще знать, что кровь у ледяных синяя?

Оттуда, что я видела ее, слишком часто, в сотнях извитков событий».

– Не могу сказать, – ответила она. – Прости, пап.

«Если я до срока раскрою тебе его имя, ты погибнешь. Не знаю, как и почему, но к этому все и ведет, и это единственное, что я могу предотвратить. Спасти жизнь хоть кому-то из любимых».

Отец снова вздохнул:

– Ясновидица, мы тут с мамой поговорили: пора бы тебе в школу. Драконята племени ночных идут учиться в год, а тебе уже два с половиной.

– Нет, – ответила Ясновидица, чувствуя, как вздымается в груди страх. – Нельзя. Я же говорила. Иначе все ускорится, и я потеряю контроль. Мне нужно больше времени, чтобы подготовиться. – Она порывисто обернулась к свитку на втором столе, покрытому резким заостренным почерком. – Вот что случится, когда я пойду в школу. Взгляни на эти потоки времени! Они взрываются! Перед школой мне надо их упорядочить. Все изменится, если учитель отправит меня не в эту группу по искусствам, а вот в ту. Если я прогуляю день вот здесь, или неверно отвечу тут, или дам списать этому бедолаге там, погибнуть может все племя.

Говоря, она стучала по свитку, оставляя в нем небольшие дырочки, и наконец расплакалась.

– О, Ясновидица, – в отчаянии произнес отец. – Все не так плохо. Не может же один двухлетний дракончик обречь на гибель целое племя. Самое страшное, что с тобой случится, это если ты не попадешь в класс по астрономии. Мама, наверное, расстроится, но никто не умрет. Поверь.

Он тепло похлопал ее по спине.

Он просто не понимал. **СОВСЕМ**. Другие двухлетние драконята, может, и не в силах повлиять на судьбу всего племени, а вот она способна.

– И потом, – сказал отец, – нам не нравится, чем ты тут занимаешься, как-то это неправильно. А в школе ты отвлечешься: займешь себя чем-нибудь другим, заведешь друзей. Вдруг увидишь, что не так уж мы все и обречены?

Он хохотнул, и Ясновидица подумала, что бы нашел у него в голове читающий мысли? Правда ли его совсем не тревожат ее видения войны и кровопролития? Она не рассказывала родителям всего, что видела, но с криками по ночам просыпалась так часто, что можно было примерно догадаться, какое будущее их всех ждет.

Наверное. Возможно. Если только она все не исправит.

Она обязана это сделать. Никто, кроме нее, не способен на это.

– Прошу, не отправляйте меня пока учиться, – попросила Ясновидица, подавив всхлип.

Прошел долгий и ужасный миг, когда на волоске повисли варианты будущего.

Отец вздохнул:

– Ну хорошо, родная. Подождем, пока тебе не исполнится три. – Он приподнял ей подбородок. – Но потом – никаких отсрочек. Королеве нужно, чтобы провидцы получали должное образование, и мы своими особыми просьбами злоупотребляем ее терпением. Итак, в три года идешь в школу. Договорились?

Изменить эту судьбу способов было не много. Ясновидица быстро пробежалась по возможным вариантам и сдалась.

– Да, пап. А пока мне надо работать. – Может, ей начать заново со свитком для школы? Если учебы не избежать, то, возможно, стоит все столы занять свитками о событиях, которые произойдут, когда она все же пойдет учиться? Да, так она сможет расписать все возможности. Выиграет немного времени. Отсидится тут еще полгодика и во всем разберется.

– Не забывай о себе, Ясновидица, – напомнил отец, скользя к двери. – Поспи немного, конец света от этого не наступит.

«Это ты так думаешь».

Она снова окунула когти в чернильницу, не заметив, как отец ушел.

«Значит, скоро я его встречу. Мой Мракокрад, моя судьба. Я всегда знала, что прочие варианты маловероятны. Он тоже видит будущее, и он найдет меня».

Приняв это, Ясновидица почти успокоилась. Больше не надо беспокоиться из-за будущего, в котором Мракокрад, оставшись один, становится злым и черствым. Больше не стоит тревожиться из-за хрупких вариантов, в которых он встречается другую (без магии и хребта, брезгливо подумала Ясновидица со вспышкой ревности). А когда эти варианты сами собой отпали, она увидела, каким злом они обернулись бы для них обоих.

Однако оставшиеся по-прежнему лежали пугающим, запутанным клубком. Два дракона, предвидящих будущее, и каждый пытается остаться на выбранном пути.

«Начни сначала. Следуй вдоль одной нити за раз».

Когти скребли по бумаге, изливая на нее видения витиеватыми горами слов, которые еще предстояло разгадать позднее.

«Не бросай попыток. Это все ради племени.

Дар достался мне неспроста.

Если мне открыты все возможные варианты судьбы, я точно проведу нас к нужному».

Глава 5

Мракокрад

Он приземлился на площадку у дома и услышал эхо родительского спора, что разносилось среди скал. Отец и мать снова спорили, и, как обычно, соседи с жадным интересом выглядывали из окон, наострив уши. Всем в племени было любопытно, как распадается самая видная пара Ночного королевства.

Ну, хоть некоторым хватило порядочности спрятаться при виде Мракокрада. Он холодно взглянул на двух драконов по ту сторону расселины. Один его даже не заметил; дру-

гая делала вид, что не видит его, теребя плющ у входа в пещеру. Глупо, ведь она знает, что он читает мысли. Может, просто думает, что трехлетний дракончик не так хорош в этом умении?

«Она не верит в слухи обо мне». – Он тихонько рассмеялся, но улыбка сошла с его морды, стоило окунуться в накатывающие из дома волны ярости и горечи.

– Не стану я помогать ей в войне с моим родным племенем, Люта! Ни за что на это не пойду!

– Они больше не твое племя. Теперь твое племя – мы! А ей ты мог бы служить иным путем! – прокричала в ответ мама. – В армию можно не вступать, но нельзя постоянно отказывать королеве! Она предлагает должность при дворе! Тебе же нравится торчать в замках и развлекаться с дворянством! Задерешь себе нос и ходи с важным видом хоть целый день, прекрасно вступишься!

– Она не одолжение мне делает, – прорычал Арктик. – Ты знаешь, чего она хочет. Ей нужна моя магия. Дар, который следовало отдать ледяным драконам, а она хочет его для вашего племени.

– Это и твое племя, – снова напомнила Люта. – Никто тебя не использует. Мы просто хотим пристроить тебя к делу, чтобы ты не слонялся по дому, не хандрил и не ныл, действуя мне на нервы.

Мракокрад вошел в тесную гостиную и бросил у порога трех пойманных ястребов. Родители удалились в одну из

спален – похоже, мама прислушалась, когда Мракокрад в последний раз попросил их спорить не так открыто. Правда, толку от этого почти не было, спорили они очень громко.

А ведь в гостиной у очага, накрыв голову крыльями, лежала сестренка.

«Они разве не знают, что она тут? – подумал он в гневе. – Как можно ссориться при ней?»

Отец всегда вел себя так, будто Вьюга – его единственный ребенок, драгоценная дочурка-снежинка, вот только о чувствах ее ничуть не заботился. Угощал ее особенной рыбой, выставлял напоказ всему племени, но стоило вернуться в дом, и она становилась для него как ожерелье, которое до поры можно снять и повесить в углу.

– Эй, – тихонько позвал Мракокрад, припадая к полу рядом с сестренкой. Он накрыл ее крылом. – Давно они так?

– Не знаю, – прошептала она.

– Ну, раз тебе ТАК ПЛОХО ЗДЕСЬ, – кричала Люта, – то почему бы тебе уже НЕ ВЕРНУТЬСЯ В СВОЕ ИДИОТСКОЕ ЛЕДЯНОЕ КОРОЛЕВСТВО?

– Ну вот, – произнес Мракокрад. Мама завела любимую шарманку, а значит, родители на сегодня выдохлись. – Скоро они закончат.

Вьюга кивнула, но лап от ушей не отняла.

Мракокрад слышал, как сестру шепотом (да и в мыслях, во многих мыслях) называют самым красивым драконом в Пиррии, и в этом он был со всеми согласен. Чешуя – чер-

ная, с оттенком темного сапфира; крылья ледяные, синевато-белые – как и шипы вдоль спины и острые изогнутые когти. Вместо серебристых чешуек-звездочек под крыльями – россыпь черных, пестревших, как сажа на белоснежном фоне. Голова узкая и утонченная, как у ледяного дракона, а глаза – поразительно голубые, как у отца.

С первого взгляда становилось ясно, что Вьюга – помесь драконов из племен ледяных и ночных. Больше она никак не отличалась от окружающих... если только не подслушать ее мысли.

Мракокрад частенько заглядывал сестренке в голову, но так и не сумел понять ее разум. Он отличался от прочих, будто она думала не словами, а цветами и волнами. Порой удавалось понять ее чувства, но мысли – почти ни разу. Кажалось, в голове у нее так тихо оттого, что она не придает ничему значения, но потом она вдруг выдавала суждение, до которого Мракокрад не додумался бы. Ни один дракон, кроме Вьюги, не мог удивить его.

«Стала бы она другой, если бы родилась под тремя лунами? – думал Мракокрад. – Стала бы больше похожей на других, если бы я помог ей вылупиться прежде срока?»

Он поспешил прогнать чувство вины. Неважно. Даже хорошо, что Вьюга не как все. Она и так идеальная.

Сестренка прильнула к нему, и они переплелись хвостами.

– Может, мне и правда пора домой, – тем временем сказал

что сплюнул Арктик, а его слова ледяными многоножками пробежались по стенам и вкрались детям в уши. – Мне обещали амнистию. Мать дала слово прекратить войну и принять меня... при одном условии.

Он со звоном швырнул на стол металлическую пластинку.

– Как ты получил сообщение от королевы Алмаз? – резко спросила Люта. – Это же измена, Арктик.

– Просто прочитай.

Последовала долгая тишина. Мракокрад вчитывался в мысли обоих родителей.

– В чем дело? – прошептала Вьюга.

– Ни в чем, – шепнул он в ответ.

– Нет, что-то происходит. Ты вот тут похолодел, – она провела когтем ему от челюсти до сердца.

– Потом расскажу, – пообещал Мракокрад. «Когда придумаю ложь, которой ты поверишь».

– Арктик, – натянутым, дрожащим голосом обратилась к мужу Люта, – если бы я хоть на минуту подумала, что ты воспримешь это всерьез...

– Хватит угрожать, – перебил он, – ведь ты прекрасно знаешь, что ничего мне не сделаешь. Но ты не переживай, я и не думал соглашаться. Просто помни, что на кону, в следующий раз, когда станешь меня прогонять.

«Пора с этим кончать», – подумал Мракокрад. Обняв напоследок сестренку покрепче, он вернулся в коридор, ведущий в другие комнаты.

– Мы тут, – позвал он. – Оба.

От матери повеяло виной, от отца – гневом. Что ж, обычная картина. Зато оба хотя бы умолкли. Мракокрад впился в ястребов и принялся рвать их на части, деля на четверых и раскладывая куски на столе.

Первой, глубоко дыша, появилась Люта. «Много ли они слышали?» – пронеслось у нее в голове.

– Все, – ответил Мракокрад. – Особенно Вьюга. Когда я вернулся, она уже была дома.

Он и не думал скрывать гнев.

«Даже...» – успела подумать мама.

– Нет, – сказал он, поглядывая на сестренку. – Об этом знаю только я.

Люта подошла к столу и свою порцию ястреба разделила между сыном и мужем. Тогда Мракокрад молча переложил мясо из тарелки Арктика на тарелку Вьюги.

«Прости», – мысленно обратилась к нему мать.

– Ей скажи, – ответил он.

Люта подошла к Вьюге и обняла ее. В этот момент сердито вошел Арктик.

– О, снова ястребы, – проворчал он. Мракокраду в глаза он даже не взглянул. Как всегда.

– Я думал, они напоминают тебе о Ледяном королевстве, – сказал Мракокрад. На самом деле он это точно знал: всякий раз, принося домой ястребов, видел в уме отца капельку счастья и каплю отчаяния. Поэтому на этих птиц и охотился.

«Не лезь ко мне в голову, луноглазый», – подумал отец, злобно глядя на него.

– Хотелось бы, – резко ответил Мракокрад. – Вьюга, пора за стол.

Когда семья собралась, он прошмыгнул мимо отца в дальний конец пещеры, сделав вид, что надо вымыть лапы. На самом же деле на уме у него было еще кое-что: своими глазами увидеть послание.

Ага, вот оно, в спальне, со стороны матери, под уголком одеяла. Кованый лист серебристого металла с чеканными словами.

Мракокрад не ошибся, когда читал мысли родителей. Вот оно, сообщение, ясное, как звездный свет:

Дражайший Арктик!

Мы хотим, чтобы ты вернулся домой.

Ты уже, наверное, осознал ошибку и наверняка питаешь ненависть к этой вероломной ночной, ставшей источником твоих несчастий. Знаешь, что ее подослали, чтобы выманить тебя и увести из дома. Зато теперь ты видишь ее насквозь, ведь так? Начинаешь понимать, что мать твоя все это время была права.

Посему я даю тебе шанс все вернуть.

Возвращайся.

Мы заключим мир с ночными. Война закончится. Ты вернешься во дворец, воссоединишься с племенем, и тебе

всё забудут.

Условие лишь одно. Простая маленькая просьба, которая спасет множество жизней, а тебе вернет твою судьбу.

Она такова: убей своих драконов.

Убей их, принеси нам доказательства, и можешь вернуться домой.

Малая цена за то, чтобы восстановить свою жизнь, не так ли?

Я люблю тебя, Арктик. Невзирая на неверный выбор и ужасные ошибки.

Надеюсь вскоре тебя увидеть, снова в родном племени.

Королева Алмаз

Мракокрад задумчиво спрятал пластинку на место.

Читая мысли отца, он знал, что Арктик не рассматривает эту возможность всерьез. Пока что. В Ночном королевстве Арктику и правда жилось не сладко: ни друзей, ни положения, да и климат ему совершенно не подходил, но при этом он помнил, за что ненавидел Ледяное королевство: правила, ожидания, жизнь, которую заранее распланировали, не учитывая его чувств.

Даже больше, королева Алмаз постоянно капала ему на нервы замечаниями о том, что она права, а он – дурак. Гордость не позволит Арктику вернуться с повинной, и, что самое главное, в нем еще оставалось зернышко того, что не дало бы ему бросить Люту с Вьюгой.

Ненависть отца никогда не волновала Мракокрада. Это чувство было взаимным и родилось сразу же, как Мракокрад вылупился из яйца, так что оно жить не мешало. К тому же отец никак не навредил бы ему, учитывая, какими силами Мракокрад обладает.

Однако в голове постоянно мелькали видения, в которых опасность грозила Вьюге. Неясные, смутные пути; он не мог проследить их до конца, но знал, что от этой пластинки тянулось нечто к событиям, полным боли, жестокости и его собственной бессильной ярости.

«Мне нужна помощь более сильного провидца, чтобы разобраться. Мне нужна Ясновидица».

Мракокрад улыбался, ведя когтями по стене, пока шел к ручью в дальней части пещеры. Он пока еще не встретил Ясновидицу, но знал, что скоро их пути пересекутся, и тогда его жизнь изменится к лучшему. Зная, что вторая половинка так близко, он едва мог дождаться заветного дня. Но ради нее он справится. Он видел, что если не спешить, то их отношения станут только крепче. А уж терпения ему было не занимать.

Правда, когда дело касалось отца, оно иссякало стремительно.

«Никто не смеет угрожать Вьюге, – подумал Мракокрад. – Ни королева ледяных, ни мой отец. Никому не дам ее в обиду. Остановлю угрозу любой ценой».

Глава 6

Глубин

– Может, не стоит мне сегодня идти? – сказала Индиго, плюхаясь на кровать Глубина. Пузырек, явно довольный собой, ловко ухватился щупальцем за ее ухо.

– О нет, ни в коем случае, – возразил Глубин. – Мне не улыбается вести скучные беседы с престарелыми тетушками и дядюшками, да и ты должна пойти со мной. В том-то и дело. Мне без тебя там не выжить.

– Это же твоя семья, – возразила Индиго. – С какой стати мне за тебя страдать? К тому же королева не желает меня

видеть.

Глубин поморщился. Тут она, похоже, права. В последнее время замечания королевы Лагуны делались все более строгими и ядовитыми. А теперь, когда Глубин стал ее вторым дракомантом, она, к несчастью, взялась решать, с кем ему водиться. Вот Альбатрос и Жемчуг – компания подходящая. Индиго и гости из других племен – определенно нет.

Кстати, это ему кое о чем напомнило.

– Не хочешь поближе посмотреть на небесных драконов? – спросил он. – Другого шанса может и не быть, кто знает, вдруг мы с ними станем воевать за новые прибрежные деревни.

Последнее – маловероятно, конечно, ведь королева Лагуна мастер вести мирные переговоры. Еще бы, ведь у нее на службе грозный маг. Вот уже несколько лет племена радужных и земляных драконов не смели и пикнуть. К тому же новые три деревушки морских не так уж и сильно вклинились в территорию небесных. Никакой морской не стал бы жить слишком далеко от океана.

– Я видела их в садах, два дня назад, когда они прилетели, – сказала Индиго. – Вид у них был очень недовольный.

– А мне казалось, что небесные – дружественное нам племя, – вслух подумал Глубин.

– Не морочь мне голову. Королеве не понравится, если я приду, особенно когда ей надо впечатлить небесных. На приеме я буду единственная, кто не увешан камнями. – Вы-

гнув брови, Индиго посмотрела на новые золотые браслеты Глубина – украшенные королевскими символами, они были в точности как у его деда – и сверкающие у него в ушах изумруды.

– Ты само обаяние, – Глубин поднял ее на лапы. – Драгоценности не нужны, у тебя же есть твоя улыбка. Лучшая во всех королевствах.

Они мимолетно – будто рябь прошла по поверхности пруда – коснулись крыльями, и Индиго поспешила отстраниться.

– Улыбаться в присутствии королевы? – ахнула она, изобразив возмущение. – Это совершенно недопустимо!

– Вот, – сказал Глубин, нырнув в соседнюю комнату, где сестра жеманно вертелась перед зеркалами. – Надень вот этот розовый жемчуг, мама купила его для Жемчуг.

– Мне он все равно не нравится, – сказала Жемчуг преувеличенно скучающим тоном, который недавно взялась отрабатывать. Даже сейчас, спустя три года после испытания, она демонстрировала неоправданную ревность всякий раз, как Глубин отпраплялся на уроки с Альбатросом. Однако большую часть времени она вела себя как обычно, только и вздыхая по поводу того, как шумно и по-детски ведут себя Глубин с Индиго.

– Зато тебе, Индиго, ожерелье точно пойдет, – сказал Глубин. Он отошел к дальней стене, где на высоком ветвистом дереве из темно-красной древесины висели украшения

Жемчуг. Стойку Глубин вырезал для сестры в подарок на прошлый день рождения. (Без магии, как настояла Индиго.)

– Точно? – спросила Индиго у Жемчуг. – Манта не рассердится, увидев твой жемчуг на мне?

– Она придет в восторг, – успокоила ее Жемчуг. – Мама считает тебя очень забавной.

Индиго чуть поникла, и Глубин метнул в сестру злой взгляд.

– Ты нравишься маме, – сказал он потом. – Она будет рада видеть тебя на приеме. И что бы ты ни надела, сердиться не станет.

Он снял со стойки ожерелье и браслет. Каждая жемчужина неправильной круглой формы имела разный оттенок: от почти белого до насыщенно-розового. Глубину стало ясно, отчего украшение пришлось сестре не по душе: она-то предпочитала все идеально симметричное – хотя само по себе ожерелье было просто замечательным.

Он защелкнул браслет на лапе Индиго и помог ей наматывать длинную нить жемчуга на шею и крылья. Камни на фоне ее пурпурно-синей чешуи как будто светились. Поправляя их за спиной у Индиго, Глубин ощутил, как колотится ее сердце. Его коготь на мгновение задержался на ее шее, и она обернулась.

«Отчего в последнее время все какое-то другое?» – подумал Глубин.

Его не удивляло, что с Индиго ему хочется проводить вре-

мении больше, чем с остальными. Так было всегда. Его не удивляло, что именно с ней ему хочется делиться чем-нибудь в первую очередь. Не удивляло и то, что порой она единственная могла его рассмешить.

Немного удивляло то, что вблизи Индиго сердце начинало биться быстрее.

– Какие же вы БЕЗНАДЕЖНЫЕ, – отчитала их Жемчуг, отпихивая Глубину в сторону. На миг он испугался, что сестра прочла его мысли. – Ты что, ни разу драконихи в жемчугах не видал? Нельзя их надевать вот так, а то плавать не получится. И вообще, любой знает, что лучшего всего двойная обмотка на шее. Надо только подтянуть вот тут и оставить вот так...

Она занялась украшением Индиго, пока та, смущенная, не смела шевельнуться.

– Ну вот, – сказала наконец Жемчуг, отступив и победно кивая самой себе.

– Ничего не изменилось, – заметил Глубин.

– Спасибо, – поблагодарила Индиго Жемчуг, пока та не набросилась на брата. – Я правда очень тебе благодарна.

Жемчуг дернула хвостом, отмахиваясь:

– Отблагодаришь меня тем, что отвлечешь двоюродного деда Горбача, если он попытается зажать меня в угол и накормить байками про славные старые деньки: «Помнится, когда я сам был молодым да горячим, мы каждый день лакомились нарезкой из воришек. Но вот скажи мне, куда они

все подевались? Не поумнели же! Кто-то срывает мне поставки воришек! Какие-то мелкие зубастые иглобрюхи, будь они неладны», – идеально подражая ломкому старческому голосу Горбача, проворчала Жемчуг.

Индиго хихикнула:

– Кто-то должен ему наконец сказать, что он, наверное, сам все и съел.

– Только не я! – отозвалась Жемчуг.

– И не я, – со смехом добавил Глубин.

– А вот эту свою странную штучку оставь, – посоветовала Жемчуг Индиго, махнув кончиком хвоста в сторону Пузырька. Индиго, разочарованно поморщившись, все же пересадила осьминога с головы на насест в своей части комнаты.

– Сиди тут, – строго велела она питомцу.

Пузырек моргнул с невинным видом. Понимает ли он хоть что-то из сказанного? В одно время питомец вел себя идеально послушно, а иногда делал все с точностью до наоборот. Глубин даже задумывался, не оттого ли это, что он забыл приделать осьминогу уши.

Жемчуг еще раз внимательно посмотрелась в зеркало, а Индиго – только сейчас сообразил Глубин – даже не подумала взглянуть на себя в него.

Вздохнув, Жемчуг произнесла:

– Ладно, сойдет. Пошли.

Когда она выскользнула из бунгало в сад, Глубин шепнул Индиго:

– Выглядишь потрясающе.

– Как кальмар, который пытается сойти за морского конька, – смеясь, ответила Индиго. Подмигнув Глубину, она поспешила вслед за Жемчуг сквозь дождь из белых жасминовых лепестков.

Глубин с улыбкой последовал за ней. Впереди ждал очередной королевский прием, пир, на котором можно от скуки челюсть свернуть. Как же хорошо, что удалось затащить на него Индиго.

Что бы Глубин без нее делал?

* * *

Когда они явились, родители – Манта и Риф – уже были на террасе, у фуршетного стола, и смеялись. Кузены – Гребешок и Поток – тоже пришли, вместе с отцом, дядей Угрем. Их бормотание сливалось со звуком волн и музыкой: трое морских драконов играли на любимых инструментах королевы.

Семейные ужины почти всегда проходили ночью и без освещения, потому что морские видели в темноте, но в честь гостей из племени небесных прием устроили сразу после заката: фоном служил залитый золотистым светом горизонт на западе, и повсюду в садах развесили фонари (зажигали их сами небесные, поскольку морские огнем не пользовались и нужды в нем не испытывали). Глубину нравилось необычное

теплое свечение, которым озарился Островной дворец, как будто внутрь прокрались маленькие солнца и затаились среди деревьев.

Повсюду на террасе были расставлены огромные аквариумы с синими светящимися медузами, тянувшими за собой пучки тонких щупалец длинней иного дракона. Со стороны столов доносились ароматы ванили, имбиря и базилика. Кусты и салонные диваны усеивали яркие, как камни, цветы гибискуса: рубиновые, топазовые и розовые на темно-зеленом фоне.

Манта подошла поприветствовать детей, приспустив крылья, чтобы не задеть лески с фонарями.

– Выглядишь очаровательно, Индиго, – сказала она и даже глазом не моргнула при виде одолженных у дочери жемчугов. – А ты, как всегда, само величие и роскошь, – обратилась она к Жемчуг.

Между Жемчуг и Мантой установилась некая странная связь, понять которую у Глубина не получалось. Индиго говорила, мол, это потому, что Жемчуг могла занять трон единственным путем: если сперва Манта бросит вызов королеве и победит, а потом проиграет самой Жемчуг. Глубин сомневался, что так и случится, ведь у Лагуны была родная дочь Всплеск, не успевшая обзавестись драконятами. Если на трон взойдет она, бросит ли Жемчуг вызов ей? На это Индиго отвечала: нет, – ведь Жемчуг – двоюродная сестра Всплеск, а не племянница... но тут пришлось зажать лапами

уши и закричать: «Ой, всё», потому что запутанные ветви семейного древа и законы престолонаследия не просто были скучны и малопонятны, но вообще, говоря по чести, мало касались жизни Глубина.

– Кокосовый рис подают? – спросил он у матери. – А роллы с тунцом? А напиток из манго с лаймом, как в прошлый раз?

– Все есть, – рассмеялась Манта. – Нам постоянно приходится принимать гостей из других племен, так что повара превзошли самих себя.

– Тогда надо перехватить одну из этих штучек с орехом макадамия, пока Поток не съел все, – заявила Жемчуг и скользнула прочь.

Не успел Глубин бросить Индиго вызов, мол, догони меня за роллами с тунцом, как с вершины дворцовой стены зазвучали раковины-фанфары, и на террасу торжественно вышла королева Лагуна в сопровождении мужа Горбача, дочери Всплеск и двух гостей из племени небесных.

– Вот это да, – шепнула Индиго, бочком подвигаясь к Глубину.

Небесные были не то чтобы крупнее королевы, но из-за длинных лап они казались выше. А еще их крылья размерами превосходили крылья морских. Рога были прямее и острее, перепонки между когтями отсутствовали... Однако больше всего поражала чешуя: сверкающая, словно отполированная; красная, как лепестки гибискуса или капли крови.

Небесные напоминали ходячие горы рубинов.

Королева тем временем окинула террасу быстрым взглядом, и Глубин ощутил мурашки по спине. Собрались и прочие кузены (не то двоюродные, не то восемнадцатюродные) и кое-кто из престарелых тетушек и дядюшек Лагуны, так что атмосфера царила плотная и домашняя.

Впрочем, королева искала взглядом не их. Тот, кто ей был нужен, не пришел.

– Где Альбатрос? – шепотом поинтересовалась мать, угадав, видимо, выражение на морде Лагуны.

– Не знаю, – так же шепотом ответил Глубин. – Я после утренних занятий его не видел.

«Надеюсь, он на меня не злится». Глубин убеждал деда, что готов к сложной магии: вроде как зачаровывать предметы, не прикасаясь к ним, или колдовать, не произнося заклинания вслух, как сам Альбатрос. Однако тот считал, что Глубин до всего этого не дорос.

– Жди своего семилетия. Только в этом возрасте я сам сумел наложить такое заклятие, – сказал он. – А до тех пор и так есть, чем заняться.

Альбатрос позволял проектировать маленькие уголки Летнего дворца, и сейчас, когда он был почти закончен, оставалось только устроить великолепный трон на верхнем уровне. Глубин несколько месяцев делал эскизы, учитывая малейшие детали, а потом дед взял и исправил в них столько всего, что Глубин едва ли узнавал свою работу.

Зато сегодня они вместе сотворили чары, и на следующей неделе, когда трон вырастет и примет окончательную форму, они представят дворец королеве Лагуна.

Глубин не мог понять, отчего дед не испытывает восторга. Альбатрос все утро был таким тихим и хмурил лоб дольше обычного.

Сейчас вот не явился на семейный сбор...

Куда же он делся?

Королева Лагуна водила небесных по террасе, знакомя с членами семьи. Индиго, пытаясь отойти в сторонку, наступила Глубину на хвост, однако было уже поздно.

– Моя племянница Манта, – представила Лагуна мать Глубина, – и ее сын Глубин. – Бросив на Индиго беглый взгляд, она задрала голову и поправила корону. – С большой радостью представляю вам послов небесного племени, Орла и принцессу Закат.

– Добро пожаловать в Островной дворец, – сказала Манта.

– Гм-м-м, – произнес Орел.

– Не думала, что будет так жарко, – проворчала Закат, обмахиваясь крыльями.

– Это моя подруга Индиго, – вмешался Глубин, подтягивая к себе Индиго.

Орел и Закат проявили в высшей степени мало интереса. Королева же Лагуна утонченно нахмурилась.

– Вы уже пробовали креветки? – поспешила спросить Манта.

– Все такое... сырое, – повел носом Орел.

– Думаю, надо поставить на огонь, – вздохнула Закат. – Может, тогда будет хотя бы съедобно.

Вслед за Мантой они удалились в сторону фуршетного стола, а королева Лагуна задержалась и скривилась так, словно ее ужин, к несчастью, подгорел.

– Ты, – обратилась она к Индиго, – ступай и принеси мне выпить. Чего-нибудь с ананасом.

– Да, Ваше Величество, – поклонилась Индиго и умчалась прочь.

Глубин постарался скрыть раздражение. Вечно Лагуна обращается с Индиго как с прислугой. С другой стороны, она же королева, вольна помыкать кем угодно. И ничего с этим не поделаешь.

В саду что-то хрустнуло – как будто кто-то наступил на веточку где-то в сгущающихся тенях за кругом света от фонарей. Глубин обернулся, но никого не увидел.

– Глубин, – обратилась к нему королева, – я буду с тобой откровенна.

«А раньше не была?» – подумал он, заставив себя слушать смиренно.

– Мне казалось, я дала тебе достаточно намеков, но ты как будто их не замечаешь. Видимо, тонкий подход в твоём случае не работает. – Она раскинула крылья, надвигаясь на него. – Хватит тратить время на эту... низкорожденную пурпурную драконицу.

До Глубина не сразу дошло, о чем она толкует.

– Перестать дружить с Индиго? – выпалил он. – С какой стати?

– Я не позволю, чтобы ваша связь стала хоть каплю сильнее, – пояснила королева, выделив слово «связь», будто говорила о протухшей устрице. – Ума не приложу, как еще твоя мать не вмешалась, но жениться на Индиго тебе нельзя, так что избавься от нее, пока слухи не отпугнули подходящих кандидаток. Ты – дракомант, жених завидный. Как я намучилась, подбирая невесту Альбатросу! Печально, что его супруга скончалась, а он, упрямый, так и не захотел жениться снова.

– Погодите, – у Глубина голова шла кругом. – Мне... с чего эти разговоры о свадьбе? Мне же только пять!

– Умоляю тебя, – презрительно отозвалась королева. – Я же вижу, как ты на нее смотришь. Как она угадывает твои желания, и как из-под твоих когтей выходят шедевры для нее.

Позади них снова хрустнула веточка. Глубин так никого и не увидел: солнце садилось, да и фонари мешали ночному зрению. Однако по спине побежали мурашки, как будто его коснулось щупальце медузы.

Кто-то смотрел на них из зарослей. Кто-то смотрел на него.

– А это что такое? – обратился Орел к королеве, стоя у декоративного пруда в центре террасы.

– Избавься от нее сам, – прошипела Лагуна Глубину, – не то я подберу ей местечко под стать положению, как можно дальше от тебя.

Она развернулась, взмахнув синими крыльями и нацепив на морду холодное выражение, и направилась к небесным.

Она же это не всерьез сказала? Индиго – она ведь не угрожает королевским планам.

«Хотя, должен заметить, я не испытываю особой радости от того, что планы строятся вокруг меня».

Вот только Лагуне нет нужды запугивать его или приказывать. Он все равно не влюблен в Индиго.

«Или влюблен?»

Глубин заметил Индиго у стола с напитками – та слегка приплясывала в такт музыке. Она машинально потянулась к голове проверить, все ли хорошо с Пузырьком, забыв, что оставила осьминожку дома.

«Иначе почему я так рад всякий раз, как вижу ее?»

Ой-ой.

– Это, разумеется, моя статуя, – с улыбкой объяснила королева Орлу. Над фонтаном свернулась кольцами, раскинув крылья и изливая воду из раскрытой пасти, мраморная скульптура, выложенная сапфирами под цвет ее чешуи.

– И как это работает? – спросила Закат, обходя фонтан кругом. – Откуда поступает вода?

– О, это зачарованный фонтан, – сказала Лагуна, едва скрывая ликование. – Постарался один из моих дракоман-

тов.

Если она рассчитывала, что новость поразит небесных как удар молнии, то большего успеха ждать было просто нельзя. Орел и Закат уставились на Лагуну так, словно у них на глазах она отсекла себе голову.

– Разве я вам не говорила? – спросила Лагуна. – Так вот, у меня есть дракоманты. Думаю, стоит помнить об этом на завтрашних переговорах.

– У вас есть дракоманты, – вскричала Закат, – и вы их не умертвили?!

– На что бы вы ни намекали, – ответила королева Лагуна, – нет. Они чрезвычайно ценны.

Небесные переглянулись.

– В Небесном королевстве таких опасных извращений не терпят, – твердо произнес Орел.

Закат подалась к Лагуне, свирепо сверкая янтарными глазами:

– Вы разве не знаете легенд? О том, как магия съедает их души?

– Чтобы так оно и было, – произнесли у нее за спиной, – надо хотя бы обладать этой самой душой.

Альбатрос вышел из тени, или, как показалось Глубину, материализовался из нее. Прямо за головой у него светил фонарь, создавая нимб, отчего глаза деда казались темнее обычного. Он приблизился к сестре и послам.

– Вот ты где, – сказала королева. – Вовремя же.

Рядом с Глубином появилась Индиго. Она нервничала. В лапах она сжимала две чаши из половинок кокоса, одну из которых протянула Глубину. Внутри был его любимый напиток из манго и лайма.

«Она угадывает твои желания...»

– Не хочется перебивать королеву, – прошептала Индиго, – но как ты думаешь, она разозлится, если я не подам напиток? А если подам – разозлится сильнее?

Она потеревила чашу, отрывая от нее бурые волокна.

– Да она уже забыла, о чем просила. Просто отослала тебя подальше, чтобы прочитать мне нотацию. В который раз.

– Вот оно что. – Индиго глянула на него искоса с любопытством, но больше ничего не сказала. Терраса погрузилась в тишину. Слышалось только бормотание пожилых кузенов на фоне музыки. Альбатрос медленно приближался к королеве.

– Это наш первый дракомант, – объявила королева Лагуна небесным, которые, судя по их мордам, уже и сами догадались. – Мой брат Альбатрос. Не далее как этим утром мы обсуждали его новый проект. На этот раз планы у меня масштабные. Нужно нечто, что сделает меня неуязвимой. Или убьет любого, кто вздумает мне грозить.

За спиной у Альбатроса сидевшая на диванчике Всплеск сдавила в когтях цветок гибискуса. Риф накрыл крылом побледневшую Манту.

– Верно, – подтвердил Альбатрос, – хотя, как ты наверня-

ка помнишь, у меня ни одна из этих идей восторга не вызвала.

– Повезло, что ты у меня не единственный дракомант, – холодно произнесла королева Лагуна, и Глубин вздрогнул всем телом, до кончика хвоста. Подчинится ли он, если ему велят сотворить такие чары? Это ведь угроза матери. Или ослушается? Тогда в опасности окажутся все, кто ему дорог.

«Если я скажу нет, что королева сделает с Индиго?»

Альбатрос остановился прямо перед королевой, едва не касаясь с ней кончиками морд. По его взгляду Глубин ничего не мог понять: дед был как каменная статуя, лишённая эмоций.

– Думаешь, с тебя хватит? – тихо спросила королева Лагуна. – Думаешь, ты когда-нибудь загладишь вину за то, что сотворил с Сапфирой? Конца этому не будет, Альбатрос. Ты навеки мой.

Что-то щелкнуло, мелькнула серебристая вспышка, и на горле королевы Лагуны медленно раскрылась багряная полоса. Этакая страшная и смертельная улыбка.

Удивленно моргнув, Лагуна схватилась за горло. Ее последними словами были:

– Я же королева, – и она медленно рухнула на пол. Лапы подкосились, крылья обвисли, а голова с плеском упала в фонтан. Вода окрасилась багрянцем и черным, когда в ней вспухли тучи крови.

Королева морских драконов умерла.

А ее дракомант, дед Глубіна сжимал в лапе нож.

Глава 7

Ясновидица

Ясновидица не спала весь день. Бродя по комнате, она рвала свитки и опрокидывала хвостом чернильницы.

– Пора вставать! – весело позвала мама, заглядывая в комнату. – Ой, вот тебе и раз...

– Знаю, ну и бардак, – нервно подергала крыльями Ясновидица. – Может, мне посидеть дома еще ночку и прибраться?

– Непорядок у тебя в голове, родная, – сказала мама. – Сама знаешь, время пришло. Идем, съешь на завтрак заме-

чательного гремучника, и сил для школы сразу прибавится.

– Нет, от гремучника я буду икать все знакомство со школой, – возразила Ясновидица. – От рыбы у меня лапы станут скользкими, и я неудачно приземлюсь. Лучше съем белку: вижу, что от нее неприятностей не будет.

Закатив глаза, Быстрокрылая удалилась.

«Дыши, – сказала себе Ясновидица. – Сегодня. Сегодня ночью ты его встретишь. Ты это знаешь, и он наверняка знает тоже».

Было странно ощущать одновременно такое возбуждение и страх.

«Встреча не обязательно что-то изменит. Все нити будущего у меня в когтях. Я управляю судьбой».

Например, она знала, что Мракокрад будет ждать ее у школы. Он захочет встретиться с ней сразу, как прилетит. Притворится, что наткнулся на нее случайно, мол, ты кто? Мы не встречались? О чем ты, какая еще судьба? Но Ясновидица на это не поведется. Мракокрад знает ее, и она знает его.

Она перехитрит Мракокрада, только если прилетит раньше времени. Если опоздает, Мракокрад ее дождется, а вот раньше времени с сестрой в школу не успеет. К тому же у него дар слабее, он не знает, что Ясновидица опередит его.

Ясновидица задержалась у одного из свитков, в котором изложила ответвления сегодняшних событий. Может, прихватить его?

Нет, если останавливаться в коридорах школы и сверяться с ним всякий раз, чтобы принять какое-то решение, на нее станут странно поглядывать. А если увидят, что написано в свитке, примут за чокнутую.

«Все уже у меня в голове».

Она пронеслась через пещеру, схватила белку, случайно сбив хвостом книжную полку и на бегу крикнула родителям: «Простите! Простите-простите! Пора лететь!», – и устремилась к двери.

– К чему спешка? – спросил отец. – Годами оттягивала поход в школу, а тут летишь сломя голову? Что стряслось?

– Может, нам с тобой? – предложила мама.

– Нет, нет-нет, – как можно бодрее отказалась Ясновидица. Встречу родителей и Мракокрада стоило оттягивать как можно дольше, главным образом, чтобы избежать неудобных споров, которые она видела в ближайшем будущем, а еще – ради их же безопасности, но причины так просто не объяснишь. – У меня все хорошо! Я знаю, куда лететь. До утра!

Она потерлась с ними носами, и родители неохотно отступили.

Снаружи ночь только начинала разливаться по каньонам, запуская длинные темные когти в реки и простецкие дома у подножий скал. Дом Ясновидицы располагался не то чтобы на самом дне, но ниже середины.

Однажды, когда она сумеет употребить дар на благо пле-

мени – увидит, например, как королеве победить ледяных, – ее семья переберется выше, ближе к свету звезд и небу. Вот над чем еще надо подумать, заглядывая в будущее.

Расправив крылья, Ясновидица воспарила к небу вдоль скалистого склона. Сверху ей открылся вид на все Ночное королевство: каньоны и скалы лежали перед ней как развернутый свиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.